

УРАВНЕНИЕ КУФУ

Раиль Шариф

Раиль Шариф

Уравнение Куфу

«Accent Graphics communications»

2006

Шариф Р.

Уравнение Куфу / Р. Шариф — «Accent Graphics communications», 2006

Мир взволнован странными событиями. Таинственными силами похищены священные камни: черный камень Каабы и камень Помазания. Но Бог любит троицу и прячет в своих ладонях третий камень. Отчаянный поход через пустыню к пирамиде Куфу... обнаружение древнего клада, священник со шрамом через все лицо, загадочная книга и нагрудный каменный крест с секретом... маленький мальчик, похищенный с пляжа... два ветерана спецподразделения... неисправимый искатель удачи, расставшийся в прошлом с Камбоджийской богиней... и красивая беременная креолка, стремящаяся узнать тайну гибели мужа. Правда, как паутина обволакивает путь к третьему камню и способна впустить орды нечисти в этот мир смертных. Все переплетено в тугой узел, перерубить который невозможно, но можно расплести, разгадав уравнение Куфу... Пути героев романа различны, но все они ведут в одну точку. В головокружительный танец со смертью попадает каждый, кто пересекает дорогу Зеленоглазому демону. С беспечностью Мяслика тот выворачивает людей наизнанку, и нет спасения, нет надежды... лишь наслаждение для гонимых ада. Таким образом, в поиски пропавшего мальчика вовлечены священник, авантюрист, два бывших командос и молодая креолка. В этом покалывающем позвоночнике триллере магия выходит за пределы времени и предстает в гениальной пьесе на фоне интриг, невинности и сексуальности. Это история людей с совершенно разными судьбами, которые ведут борьбу за души человечества против монстра с неукротимой силой. В чем заключается секрет, и что этому чудовищу нужно? Кто может остановить его? Узнайте – если хватит смелости, окунувшись в зубодробительные страницы интригующего романа Раиля Шарифа.

© Шариф Р., 2006

© Accent Graphics
communications, 2006

Содержание

Пролог	8
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	34
Глава 9	40
Глава 10	42
Глава 11	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Раиль Шариф

Уравнение Куфу

Моей дорогой и горячо любимой маме...

Он приходит обычно ночью,
Не спросив, открывает дверь.
Кто увидит его воочию,
Понимает, что это Зверь.
Он садится напротив в кресло,
Ногу на ногу положив.
И в душе вдруг становится тесно:
То ли мертвый я, то ли жив.
Он не спросит ни ранга, ни имени,
Все известно ему наперед
Я из рук сигарету выронил,
Вот и мой наступил черед...
Он ее мановением взгляда
Докурил, а дым в потолок.
*"Успокойся – не улица Вязов,
Значит, Мальборо куришь, сынок.
Я не стану тянуть твои жилы
И наматывать на рукав.
Мне приятней слова твои лживые:
Жизнь прекрасна, I LOVE, YOU I LOVE.
Ты семь лет почти шел к своей цели
И пытался убить меня,
Только звуки моей свирели
Зачастую пьянили тебя.
Ты не раз спотыкался и падал,
Поднимался и снова шел.
Я тебе говорил: "Не надо!"
Ты ж в ответ – "На три буквы пошел!"
Мы друг другу поднадоели.
Может, выбросить белый флаг?
Я не стану, как тот Сальери,
В твой картины подкидывать яд.
Это слишком старо и наивно,
Да и метод теперь иной.
Согласись, что сейчас эффективней
Заключить договор небольшой.
Ты убьешь меня сию минуту.
Вот кинжал. Где там библия, крест?
Успокойся и будь что будет...
Принимай все как божий перст.
И тогда будешь ты, как сыр в масле,
Плыть по жизни, не зная невзгод.*

*Будет сладко тебе и счастье
Никогда не покинет твой род.
Но запомни, как жизнь твоя минет,
Загляни в глубину души.
Без меня твое сердце остынет,
Без меня ты уже и не ты.
Ты не будешь таким, как прежде,
Все слова твои ложь и фальшь,
Даже вера, любовь и надежда
Не сыграют прощальный марш.
Все что было с тобой – уроки,
Все что будет – пороги судьбы.
Главное – береги в тепле ноги
И не пей ты сырой воды".
Я заглянул ЗВЕРЮ в очи
И принял из рук кинжал.
Душа спокойствия просит,
А, значит, близок финал.
Предо мною открыта дорога,
Только плата моя – душа.
Но я лучше пройду свои годы
Как-нибудь сам, не спеша.*

Раиль Шариф

События, описанные в этой книге, являются художественным вымыслом. Упоминаемые в ней имена и названия – плод авторского воображения. Все совпадения с реальными географическими названиями и именами людей, ныне здравствующих и покойных, случайны.

Пролог

Археолог Мишель Арно поежился от холода и повернулся. Всматриваясь в темноту, он пытался разглядеть на линии горизонта силуэт подсвеченной прожекторами пирамиды. Затем развернулся на 180 градусов и посмотрел в небо. Теперь его взгляд был направлен в точку восхода солнца. Томные всполохи надвигающегося рассвета, заставили Мишеля Арно прибавить шаг.

Ровно двенадцать тысяч шагов от главного входа пирамиды, размышлял Мишель Арно, мысленно подсчитывая пройденные шаги. Одиннадцать тысяч девятьсот пятьдесят два. Пятьдесят три. Пятьдесят четыре. И ведь ни метров, ни футов. А именно шагов. Ни сворачивая ни на югу ни влево, ни вправо, пятьдесят девять. Странные бывают сны. И зачем мне это надо?

Кутаясь в теплую замшевую куртку, он прибавил шаг.

Только бы успеть к восходу Сириуса. Одиннадцать тысяч девятьсот семьдесят три. Семьдесят четыре. Семьдесят пять.

Остановившись, Мишель Арно болезненно взялся за сердце.

В мои годы пускаться в такие аферы просто невыносимо. Потерпи немного. Какого же будет выражение твоего лица, когда ты поймешь, что это был только сон. И не более того.

Археолог пошарил в карманах и, вынув валидол, подложил его под язык.

Вперед, старик!

Временами ему казалось, что он сбился с пути и, сверяясь по стрелке на компасе, шел вперед. Странное чувство надвигавшейся тайны, точно перебродившее вино, пьянило и возбуждало.

Девяносто семь, девяносто восемь, девяносто девять. Мишель Арно остановился, не решаясь сделать последний шаг, словно за этой чертой открывались секреты Вселенной.

Он вскинул голову и поймал взглядом вздымающееся над горизонтом солнце. Его первые лучи стали отеснять вглубь пустыни темноту. Слева от солнца поднималась одна из самых величественных для египтян звезда – Сириус.

Двенадцать тысяч, мысленно произнес Мишель Арно, делая последний шаг.

Мишель Арно вспомнил строки из сновидения:

«Двенадцать тысяч шагов от главного входа храма. Сириус воссияет и смешает свой свет с лучами Ра. Жди».

Археолог ждал, но ничего не происходило. Единственным свидетелем его замешательства был утренний вихрь. Подняв в воздух тысячи песчинок, точно молочный щенок, он играл с кустом перекасти-поле.

Мишель осмотрелся вокруг, ожидая увидеть хотя бы знак. Зачем он здесь, что он ищет.

Присев на одно колено, Мишель взял горсть песка. Тонкой струйкой между его пальцами текло время.

Старый дурак, подумал он, разворачиваясь чтобы уйти.

Внезапно земля под его ногами завибрировала, уходя вглубь. Мишель почувствовал, как его стремительно уносит куда-то вниз, забивая дыхательные пути вздыбившейся пылью. Он тучно грохнулся обо что-то твердое и, откашливаясь, завалился набок. Мириады песчинок, прорезанные слепым светом, падающим откуда-то сверху, сообщили ему о том, что он жив.

Мишель поднялся на ноги и, притронувшись к разбитой губе, огляделся. Перед его взором открылось погруженное во мрак помещение. Прежде чем он стал отчетливо различать хоть какие-нибудь детали, прошло некоторое время. Стены небольшого помещения были украшены рельефами и фресками с изображением сцен повседневной жизни древних египтян. С поднимавшимся ввысь солнцем свет в помещении стал ярче. Внезапный всполох лучей Сириуса

разрезал туманную пыль, сливаясь с солнечным светом, и Мишель Арно различил то, чего не замечал раньше. В самом конце помещения, на небольшой одноногой подставке, он увидел два странных предмета.

Археолог взял их в руки, но первоначальный интерес он проявил к тому предмету, на котором тонкой струйкой змеились иероглифы. И чем внимательнее он их читал, тем явственней менялось его лицо. В глазах Мишеля загорелись искорки страха. Второй предмет его заинтересовал не меньше, но он чувствовал, что времени у него остается мало.

Он посмотрел вверх. И для него было уже не важно, как он отсюда выберется. Он это сделает. Важно было другое. Он должен передать эти два предмета человеку, которому они предназначены самим Мессией. И как можно скорее. Время собирать КАМНИ пришло.

Глава 1

26 мая, 9:20 утра

Сейшельские острова. Остров Маэ. Виктория. Банк «Короли рифов».

Теперь Жаннет сожалела о том, что не до конца была твердой в отношении мужа. Двумя неделями раньше река времени выплеснула его безжизненное тело из своего бурного течения.

Грустно вглядываясь в монитор, Жаннет мысленно перенеслась в их некогда уютное гнездышко – в типовой двухэтажный домик на авеню Френсиса Рашеля.

Прислонившись на перила мансарды, Андре нежно обнял ее за плечи и, вглядываясь в отражавшийся в ее зрачках океан, произнес:

– Мышонок! Возможно, на неделю, а то и на две я покину тебя. Если не вернусь, отнеси этот конверт в полицию.

После чего он протянул ей в руки желтый запечатанный конверт. Жаннет испуганно прижала его к груди.

– Андре, что ты опять задумал? Что значит, не вернусь? Подумай о нашем ребенке. Ему уже три месяца, и он все понимает. Молю тебя, останься. Твои игры до добра не доведут.

– Жаннет... – Андре попытался вставить хоть слово, но под напором замолк.

– Я тебя очень прошу. Рано или поздно ты попадешься. И я не прикоснусь к твоим деньгам. Так и знай.

Андре взволнованно прижал Жаннет к сердцу и на ухо тихо прошептал:

– Мышонок, я не занимаюсь этим уже месяц. И на этот раз я уезжаю совсем по иной причине, – он выдержал паузу, акцентируя внимание на том, что скажет дальше. – Я нашел нечто такое, о чем не могу произнести даже вслух.

Жаннет всхлипнула, всматриваясь в желтый конверт:

– Ну почему именно ты? Что в этом конверте?

Уклонившись от ответа, Андре опустил на колени и прижался к животу Жаннет:

– Мышонок, я клянусь тебе... Мой малыш, верь и ты своему отцу. Никаких афер.

Его терпкий сигарный поцелуй, что оставил он, уходя, на ее губах, Жаннет запомнила навсегда.

Через две недели Андре вернулся домой в тяжелом красно-коричневом гробу. Страшный груз был сопровожден незнакомым типом. Его азиатские черты Жаннет запечатлевала не более полуминуты. Ровно столько ему потребовалось, чтобы выразить свое соболезнование и вкратце сообщить, что Андрэ Кришелье подхватил заразную тропическую болезнь и скоростно скончался. Где и при каких обстоятельствах, Жаннет не успела спросить: слишком силен был шок, да и неизвестный тип не отягощал себя данной проблемой. Оставил гроб у ее дома, точно ценную бандероль с доставкой, сел в машину и укатил.

Этого было достаточно, чтобы понять: история смерти Андре писана вилами на воде. А заключение патологоанатома, зафиксировавшего кровоизлияние в мозг, еще раз подтвердило уверенность: Андре умер не своей смертью.

Слезы? В слезах были все носовые платки и подушки. Но Жаннет помнила и о том, что уже четвертый месяц носила в себе ребенка, отец которого погиб при странных обстоятельствах. Ребенок – это единственное, что осталось от Андре. Она была сильной женщиной и по прошествии недели после похорон мужа сказала себе: "Все, хватит! Иначе расстройство нервной системы моему ребенку обеспечено".

Им обоим – Андре и Жаннет – было по двадцать пять. Она работала в небольшом банке, занимала место коммерческого директора, имела личный кабинет и гордилась этим. Он же

нигде не работал и относился к типу людей, в чьи руки деньги плывут, минуя налоги. Впрочем, это, пожалуй, мягко сказано. Андре никогда не посвящал жену в свои профессиональные тайны. Вокруг него крутились сомнительные лица, и Жаннет, всерьез озабоченная окружением мужа, не раз предупреждала, умоляла Андре заняться настоящим делом и не подвергать ни его, ни ее репутацию опасному риску быть подмоченной. Но он с ослиным упрямством продолжал идти по дороге, приведшей его в могилу.

Пальцы Жаннет в привычном ритме скользили по клавишам компьютера, останавливались, предоставляя умной машине время на размышление, и вновь устремлялись в гибкие движения бешеного канкана. Молодая женщина внимательно следила за бегущими строками, проверяла информацию, разбивала ее по файлам и вновь отпускала тонкие пальцы в пляску по клавишам. Казалось, Жаннет была увлечена работой. Между тем где-то глубоко в подсознании она видела желтый запечатанный конверт. Он преследовал ее в мыслях уже вторую неделю...

Две недели Жаннет мучилась терзаниями, не решаясь исполнить предсмертное желание мужа. Желтый запечатанный конверт лежал рядом, в ее рабочем сейфе. Временами она пыривалась отнести его в полицию, вынимала из сейфа, но необъяснимое чувство заставляло класть его на прежнее место. Сегодня она просто решила заглянуть в содержимое конверта. Перед тем как отнести в полицию, должна же она знать что там, внутри. Жаннет не чувствовала угрызений совести, ведь Андре не запрещал ей вскрывать конверт.

Она открыла сейф, кинула на дверь взгляд и вынула конверт. Еще с минуту она колебалась и, подцепив ногтем склеенные края, вскрыла его. Спустя мгновение на столе перед Жаннет лежало содержимое конверта – компьютерный диск. Прикоснувшись к нему кончиками пальцев, она ощутила необычайное волнение.

«Должно быть, это и есть ключ от той самой двери, за которой и был убит Андре», – рассудила Жаннет. Однако решение было принято. Она поместила диск в компьютер и открыла единственный, хранящийся в нем файл.

Первым делом молодой женщине показалось, что данный «орешек» ей не по зубам и, возможно, придется прибегнуть к помощи постороннего специалиста. Но первые впечатления не всегда бывают верны.

Дисплей не высветил ни одной буквы, ни одного слова. Вместо них на экране возникло графическое изображение: странное переплетение геометрических форм и ломаных линий. Затем, меняя проекцию, изображение поплыло в сторону, и взору Жаннет открылось нечто, напоминающее бутоны нераспустившегося лотоса. Приглядевшись, она стала отчетливо различать три стройные башни.

Словно тени из прошлого они надвигались на нее, погружая сознание в омут странных и роковых предчувствий. Ее взгляд опустил сам по себе, интуитивно, однако это продлилось мгновение, ровно столько, чтобы изображение трех стройных башен трансформировалось в камень.

Внешне он походил на горную породу, а его стекловидная масса переливалась мягкими изумрудно-малахитовыми тонами. Компьютер показал его во всевозможных проекциях. Жаннет начинала понимать...

Но она не знала одного – с этого момента водоворот событий захлестнет ее безжалостно и всецело.

Глава 2

9:40 утро

– Детка, заскочи ко мне в кабинет – дело есть, да поживей костями шевели, – голос в селекторе прозвучал таким тоном, каким клеят не первой свежести девиц в баре.

Жаннет опустила палец на кнопку селектора внутренней связи.

– Я вам не давала повода так со мною разговаривать, – возмутилась Жаннет. – Будьте осторожны, придет время, и я подрежу ваш поганый язык.

– Поговори мне еще!!! – раздался разъяренный голос на другом конце селектора. – Живо ко мне!!!

Жаннет отключила селектор внутренней связи. К ее горлу подкатил ком. Она стала задыхаться – дыхание работало так же, как велосипедный насос с застрявшим в тростике сором. Жаннет поднесла к горлу руки, ее пальцы мелко дрожали. Ей хотелось плакать, но она не могла себе этого позволить – она ждет ребенка. Жаннет закрыла глаза и попыталась себя успокоить.

"Я сильная женщина, – подумала она, – этому ублюдку не увидеть моих слез! Ему только этого и надо. Детка... Шевели костями... Поговори мне еще... Свинья! Чтоб тебя разорвало!"

Жаннет ненавидела Брейна Лихмонта, и зная солидарности безоговорочно из ее рук подхватила бы любая из представительниц прекрасной половины человечества. Ни от одной из них за свои неполные сорок пять лет Лихмонт так и не удостоился доброго слова. Причиной столь дурного к нему отношения послужили три незavidные черты его характера.

Полтора месяца назад в здание банка ввалился некий Брейн Лихмонт, полдня он говорил с его управляющим, еще три дня копался в документации, после чего пожал тому руку и безразличным тоном, словно речь шла о пачке сигарет, произнес:

– Принимаю!

Так вскоре Брейн занял кресло нового управляющего банком. И его все возненавидели, особенно женщины.

Первой причиной тому послужила его внешность. Почти всегда Брейн приходил на работу в засаленной рубашке и неотглаженных брюках. Плюс ко всему от него за милю разило чесноком, будто объявили о нашествии вампиров.

Вторая причина была не менее важной. В присутствии женщин Брейн Лихмонт позволял себе фривольно шутить и как мальчишка, не достигший пубертатного возраста, вооружившись увеличительным стеклом, рассматривал порножурналы. В его понимании этики это считалось нормой и обычным порядком вещей.

И последнее, за что его ненавидели женщины: он был ублюдком – ублюдком с обледевшим сердцем и душой грязно-отстойного цвета. Словом, Брейн Лихмонт имел в себе те качества, по которым безошибочно характеризуются женоненавистники.

Если говорить о профессиональных качествах этого человека, то, пожалуй, их можно выразить в следующем. Брейн Лихмонт был способен продать даже крысиную задницу, обрисовав ее клиенту как обручальное кольцо высшей пробы. Брейн отлично разбирался в банковских операциях, успешно вел переговоры, а если в дело влетали женщины, кресло переговоров уступал Жаннет, предварительно ее проинструктировав.

После разговора с Брейном по селектору внутренней связи прошло несколько минут, но Жаннет не торопилась на встречу. Ей пришлось долго успокаивать себя, и по мере этого ее дыхание приходило в норму.

"Спокойно, – мысленно настраивала себя Жаннет, – мы этому ублюдку прижмем хвост, и он запоет у нас по-другому". В банке работали еще три женщины, и они также не были в восторге от нового управляющего. Вместе с ними Жаннет собиралась подать на Брейна иск в

суд по двум статьям: моральный ущерб и сексуальное домогательство. Нет, Брейн никого не лапал руками. Но движение феминисток к началу двадцать первого столетия, защищая личное право и достоинство женщины, достигло невероятных высот.

Управляющего могли засудить только за то, что в присутствии женщин он с головою зарывался в порножурнал, что в цивилизованных странах расценивается, как сексуальное домогательство. А реплики "Шевели костями" и "Живо ко мне" в судебном деле Брейна послужат еще одним гвоздем в крышке гроба его профессиональной репутации.

Жаннет собрала свои нервы в единый пучок, пора идти. Вынула из компьютера диск и, сложив его в желтый конверт, закрыла на ключ в ящике стола. Она имела хорошую привычку также запирает свой кабинет, хотя и не предполагала, что это обстоятельство кого-то могло интересовать.

Как только пара внимательных серых глаз проводила ее по длинному коридору, к двери подошел невысокий, лет тридцати мужчина. Он достал из кармана заранее приготовленные дубликаты ключей, открыл дверь и, проникнув в кабинет, затворил ее за собой. Он был служащим банка и отвечал за внутреннюю сигнализацию его помещений. Все сейфы, все окна, все двери, все коридоры, вентиляционные заграждения и даже подземные коммуникации, находящиеся в непосредственной близости, были под неусыпным наблюдением его телекамер, световых индикаторов, тепловых датчиков и разной прочей мишуры, именуемой сигнализацией.

Родом из Сицилии, он, бывший военный, специалист по охранным устройствам, некогда снискал хорошую славу и получил предложение сменить европейский климат на мягкий экваториально-тропический.

Сейшелы. Остров Маэ. Виктория. Высокое жалование, прекрасные креолки и рестораны не могли оставить Джордано равнодушным. Все это слегка пьянило его и возбуждало.

Джордано обладал талантом совать свой нос в различные щели, и, собирая информацию, использовать ее исключительно в меркантильных целях. По встроенным в помещении сверхчувствительным микрофонам и нановидеоаппаратуре Джордано был способен определить код любого сейфа – достаточно знать его марку. Все началось с обыкновенной обиды...

В 1989 году окончив Миланскую специализированную школу, кадры которой предназначались исключительно для разведывательных структур, Джордано получил направление на север Италии, в такую дыру, где, по мнению всех курсантов, продвижение по службе напоминало черепаший бег.

Перед отправкой к месту назначения Джордано, словно в отместку «по-джеймсбондовски» проникает в штабные апартаменты и, используя накопленный опыт и данный богом талант, вскрывает сейф и крадет всю наличность.

Через два года, пресытившись черепашьими бегами, Джордано, якобы по состоянию здоровья, уходит в отставку, после чего вскрывает еще три сейфа неких состоятельных господ. Чтобы не испортить послужной список и отвести от своей персоны тень подозрений, Джордано устраивается в Римский департамент налоговой полиции – все по той же специальности. И не жалеет об этом. Отсюда все слышно и видно. Он не раз участвовал в раскрытии экономических преступлений. Работа с секретной аппаратурой приносила ему немало удовольствия. К тому же это экономило время и позволяло более точно определить конъюнктуру всех возможных и невозможных ситуаций.

Нередко Джордано грабил и "клиентов" своего же департамента. Из всех передраг этот человек всегда выбирался девственно чистым: так Санта-Клаус из дома сексуальных утех спешит на новогоднюю елку к детишкам. Тем не менее в глазах детей Санта-Клаус прежде всего всегда волшебник – ДОБРЫЙ И БЕЗВИННЫЙ.

Годы спустя, Джордано получил приглашение в один из столичных банков Сейшельских островов. Должность начальника службы безопасности не была пиком его профессиональных амбиций. Глубоко в душе Джордано представлял себя как минимум богом, для которого людские помыслы и поступки читались сквозь увеличительное стекло. Сейчас же революция в области нанотехнологий позволила приблизиться «следающим» структурам только к глазку замочной скважины.

И все в жизни Джордано шло хорошо, до поры, пока кто-то жестко и грубо не наступил на его ахиллесову пятую. Когда-то он допустил серьезную ошибку, и расплачиваться за нее пришлось только сейчас.

Первый раз за всю криминальную практику Джордано оказался на крючке. Его ткнули носом в киноленту, которая была гарантом того, что в тюрьме его заждались. От него требовали выкрасть из кабинета Жаннет компьютерный диск, помеченный тремя буквами «А.Н.Г.». Платой за услугу было обещано молчание.

Джордано не задавал вопросов. В первый же день под видом проверки своего хозяйства в присутствии Жаннет он незаметно установил в ее кабинете сверхчувствительные микрофоны и видеокамеру, размером со спичку.

Он слышал, как Жаннет каждый день вынимает из сейфа какой-то конверт, нерешительно мнет его в руках и, тяжело вздыхая, кладет обратно. Чутье подсказывало: "Это именно то, что от меня требуют".

День 24 мая был выбран Джордано не случайно. Каждый четверг Брейн вызывал в свой кабинет всех сотрудников по отдельности и, невзирая на пол, ради профилактики "всыпал перца". Сегодня все сидели по кабинетам и, как мыши перед ужином кота, дожидались своей очереди. Никто не осмеливался даже в коридор выглянуть, а если это и происходило, то лишь когда природа звала. Но и на этот случай, попавшись кому-нибудь на глаза, Джордано мог сослаться на сработавшую в сейфе Жаннет сигнализацию.

Теперь Джордано стоял перед очередным сейфом, каких у него было не меньше, чем блох у бродячей собаки. Итальянская модель JUWEL 4533. Вес 20 килограмм.

Кодовый электронный замок с дублирующим ключевым замком. К этому моменту Джордано знал не только его код, но и то, что Жаннет имеет привычку прятать ключ от сейфа под столешницу. Джордано жил на широкую ногу, никогда ни в чем себе не отказывал и был ИГРОКОМ. Только на этот раз ставка была иной – жизнь.

Нашарив под столешницей спрятанный ключ, Джордано ядовито ухмыльнулся.

Марко Манчини¹ мной бы гордился.

Джордано волновался, но его внешнему спокойствию мог позавидовать первоклассный хирург. Никаких лишних движений, вставил ключ, набрал код и вскрыл сейф. В сейфе он увидел рядком конвертов сорок, не меньше. В одном из них, предположительно, и лежал компакт-диск, помеченный тремя буквами "А.Н.Г.". Этот конверт Джордано мог определить на слух. Десятки раз он слышал шорох этого пакета и ровно столько же визуально ощущал его пальцами.

Он перебрал пальцами каждый конверт, но тактильный контакт ничего не дал. Нужного на месте не оказалось. Ничего не понимая, он на мгновение замер.

Она всегда возвращала конверт в сейф!

Внезапно его взгляд упал на рабочий стол. Он потянул ящик стола на себя.

¹ В Милане по обвинению в организации противозаконных прослушиваний телефонных разговоров арестован Марко Манчини, занимавший пост заместителя руководителя военной разведки SISMI. Миланская прокуратура выявила «преступную группировку, созданную с целью коррупции, нарушения тайны следственных действий и злоупотребления должностным положением».

Дьявол! Заперт!..

Чтобы открыть замок при помощи двух английских булавок, Джордано понадобилось пять секунд. В ящике на стопке папок лежал желтый конверт. Прикоснувшись к нему, пальцы ощутили до боли знакомый шорох. Затем он вытер со лба капельки проступившего пота и вскрыл конверт.

Глава 3

24 мая. Часом раньше.

Сейшельские острова. Остров Маэ. Виктория. Международный аэропорт.

Прежде чем выйти на посадочную полосу, "Боинг 747" сделал круг, облетая весь остров. Такой маневр давал пассажирам отличную возможность полюбоваться массивной вершиной Морн-Сейшеллуа, бесчисленными бухтами и заливами, а также спектром всех цветов морской воды и коралловых рифов. С высоты птичьего полета взгляд пассажиров охватил группу разбросанных вокруг Маэ гранитогнейсовых островов и переключился на посадочную полосу.

"Боинг 747" шел на посадку тяжело и стремительно. Выпустив шасси, он пролетел еще восемьсот метров и соприкоснулся с землей.

Здесь, на островах, природа во всей красе демонстрировала свои чудеса. Беспрерывно меняющаяся под ярким солнцем океанская гладь. Фантастически выветренные и разрушенные волнами скалистые берега. Горные вершины, окутанные облаками и туманом. Бесконечные рощи пальм. Заросли тропической зелени, из лога которой высятся кроны деревьев-великанов. И, наконец, пляжи с тончайшим коралловым песком.

Средняя годовая температура на Сейшелах – плюс двадцать шесть градусов по Цельсию – особых жалоб не приносит: постоянные ветра с океана смягчают жару. Сезоны мало отличаются один от другого – в основном направлением ветра да числом дождливых дней.

Между тем в салоне идущего на посадку авиалайнера разыгрывался спектакль. В воздухе чувствовалось напряжение, точно на затылок легла чья-то холодная и невидимая рука. Некая парочка молодоженов явно переигрывала и притягивала к себе потоки внимания.

Молодого француза, невольного участника этого спектакля, можно было назвать красавчиком. Для своих тридцати пяти лет он выглядел совсем юным. Таких, как Жан-Пьер Лефевр, слабый пол по обыкновению называл лапушкой. Жантильные черты. Узкие губы, нос с горбинкой, курчавые темные волосы, заплетенные в длинную косичку. Да, этот человек был до неприличия красив, и данное обстоятельство не могло не сводить с ума женщин. Но только не ту, что сидела рядом с ним в качестве молодой супруги. И на то у нее имелись свои основания.

В жилах этой двадцатипятилетней особы текла румыно-польская кровь. Люсьен Эманеску была хороша собой. Но этого, пожалуй, недостаточно для описания ее внешности. Всякий наметанный глаз определил бы ее патологической шлюхой. Именно так и не иначе.

И если она и была шлюхой, то довольно дорогой. В арсенале достопримечательностей она имела немало аргументов, способных привести самого немогущего мужчину в состояние боевой готовности. Крутые бедра, осиная талия, крепкая высокая грудь и очаровательная мордашка. Своей внешности она уделяла особое внимание и при удобном случае чистила перышки, словно это был последний день в ее жизни. Ее пшеничного цвета волосы спускались чуть ниже плеч, а голубые глаза, удачно гармонируя с ними, создавали впечатление невинной овечки. Но кто бы знал, что в головке этой овечки созревает коварный план...

Люсьен обвила руками шею супруга и прильнула к его щеке.

– Пьер! Я в восторге! Взгляни, какая красота за окном! Лучше свадебного подарка ты и не мог придумать.

Если не считать, что это ты сама придумала, подумал он про себя и добавил:

– Звезда моя, Люсьен, милая. Ну... – Жан-Пьер Лефевр попытался сбросить ее руки со своей шеи, однако эта затея закончилась тем, что женщина сцепила руки в замок и запечатлела на его губах продолжительный поцелуй. Жан-Пьер с силой оторвал от себя женщину. Этот спектакль продолжался уже добрых полчаса, и она ему изрядно надоела.

– Да отпусти же! – Пьер предательски покраснел. Голос его супруги в салоне авиалайнера звучал намного громче, чем того требуют рамки приличия.

– Ну уж нет, мой милый, – на полтона выше произнесла Люсьен, – я всю жизнь ждала этого дня и стану вести себя так, как душа моя того просит. Мне плевать на мнение окружающих. Я хочу тебя, прямо здесь. Сейчас!

С этими словами она плюхнулась Пьеру на колени и, не сводя с него хитрых глаз, улыбнулась. Разрез ее юбки, плотно облегающей бедра, опасно приоткрылся. Красивая ножка оголилась как раз до тех самых мест, где она теряла свое прелестное название и переходила в более интимное. Пьер торопливо запахнул ее юбку и, скинув женщину с колен, пересадил к окну.

– Звезда моя, что с тобой происходит сегодня? Не слишком ли ты импульсивна. – Пьер говорил шепотом и почти дышал ей в лицо. – Ты превращаешь наши отношения в аттракцион. Если не объявишь антракт по приезду в отель, твоя чудная попочка познакомится с моим кожаным ремнем.

– Хорошо, пусть будет по-твоему! – лицо Люсьен брезгливо исказилось, словно ей предложили отведать болотную жабу. – Ремень и задница никогда не были друзьями!

Последняя фраза прозвучала достаточно громко, что только безнадежно глухой, будь он в салоне, не обернулся бы.

Внимание присутствующих было приковано к Люсьен, и единственным исключением был сидящий впереди мужчина. Ему было не больше пятидесяти, и он не был глухим.

К этому времени «Боинг 747» сошел с полосы приземления и встал в безопасную зону. Однако никто из пассажиров и не пытался сдвинуться с места.

Постороннему взгляду могло показаться, что время в салоне замерло и все вокруг утонуло в ином слое реальности – в реальности восковых фигур с застывшими на лицах от предвкушения чудес живыми улыбками.

Между тем причиной оцепенения, вдруг охватившего пассажиров, был находившийся перед молодоженами сухожильный мужчина.

Внезапно он поднялся с кресла и развернулся к супружеской паре. Потухшим немигающим взором посмотрел на Люсьен, а затем на Жан-Пьера.

Где-то на краю сознания Пьер поймал себя на мысли, что и сам является невольным участником театра восковых фигур, единственной и безапелляционной свободой которых остается одна – осознавать. Пьер не был гуру, но внезапно осознал, что одна из ловушек в этой вселенной – это поманить духовное существо красивым фантиком и, загнав в грубую материальную структуру, превратить его в овощ.

– Месье... – загадочный тип выдержал паузу и, то ли сожалея, то ли предвкушая наслаждение, на едином выдохе произнес: – К вашей радости или нет, но к заходу следующего дня я откушу этой шлюхе язык. А с вами я еще встречусь.

Желваки незнакомца ходили, словно уже пережевывали откушенный язык. Жан-Пьер от негодования мысленно сжал кулаки.

Я тебя убью и помочусь на труп тут же – чтобы видели все!

Но этого не произошло. Через мгновение мутная пелена захлестнула сознание Пьера. А спустя еще мгновение его тело обмякло, и он не помнил уже ничего, впрочем, как и все остальные пассажиры. Неведомая сила выхолостила из их памяти события последних минут и вернула течение времени в привычное русло.

Но где-то там, в потаенных регистрах сознания Пьера, сохранился взгляд пятидесятилетнего мужчины – взгляд, на миг сверкнувший зеленым дьявольским огнем.

Глава 4

Молодая чета Жан-Пьер Лефевр и Люсьен Эманеску устроилась в фешенебельном отеле «Бю-Валлон». Расположенный среди буйной зелени в северо-восточной части острова, в бухте Бель-Омбр, он прижимался к коралловым пляжам и по регламенту, установленному властями, не возвышался над кронами кокосовых пальм. В этом была особая красота уникального туристического района. Нависшие над гостиничными строениями кроны деревьев напоминали раскрывшиеся зонты, и солнечные лучи, пробиваясь сквозь них, не казались навязчивыми.

Еще подлетая к острову Маэ, Жан-Пьер заметил, как с плеч его срывается и тонет в глубинах распластавшегося под ними океана тяжесть мегаполисов. Здесь, на Сейшелах, туристы никуда не спешат и не бегут, потому что местный туризм – отдых чистой воды: короткие прогулки и экскурсии, рыбалка, гонка на скутерах, загорание на чудесных пляжах и морские купания.

Однако сорок минут спустя Жан-Пьер чувствовал себя раздвоенным: одна часть его существа грезилась об отдыхе, другая ощущала себя джинном, загнанным в узкую и темную бутылку.

После авиаперелета Люсьен принимала душ. Жан-Пьер лежал на широкой двуспальной кровати и, закрыв глаза, думал. Он тщетно пытался вспомнить что-то жизненно важное и чувствовал себя пирогом, от которого отрезали довольно жирный лакомый ломоть и запихнули неизвестно куда. Этот ломоть был кем-то позабыт... или кем-то спрятан. Мерзкий, волосатый червь сомнения грыз душу Жан-Пьера. Что-то происходило, и что-то было не так!

Последние пять лет Жан-Пьер работал дилером в одной крупной химической компании. Ассортимент был самым разнообразным: начиная от препаратов для уничтожения тараканов и заканчивая лаком для волос.

Пьер ненавидел свою работу. Ему приходилось улыбаться, когда на душе скребли кошки. А чтобы хоть что-нибудь продать, его ногам доставалась не одна марафонская дистанция. Химия же, которой он торговал, выходила боком: на его теле часто выступала аллергическая сыпь. Да и мало ли еще почему! В компании Пьера никто не замечал, а если это и происходило, то лишь тогда, когда искали виноватого. Пьер пытался подняться по служебной лестнице, но ему всегда давали понять, что на большее, чем мальчик на побегушках, он не потянет. В сущности так оно и было. Пьеру не хватало коммуникабельности и твердой руки.

...Люсьен Эманеску подсыпала Пьеру в кофе снотворное. Ожидая результата, она стояла под душем добрых полчаса. Выйдя из душа, обнаружила Пьера лежащим на широкой тахте. Он спал. Рядом на тумбочке стояла пустая пиала.

– Перчик, ты спишь?

Услышав в ответ легкое похрапывание, она повторила вопрос. Пьер спал.

Удовлетворенная результатом, Люсьен положила в кресло кожаный чемодан и извлекла из него кружевное нижнее белье. Белый ажурный шелк. «Скоро он у меня за все заплатит, – думала Люсьен, облачаясь в белье, – дерьмо голубиное, вообразившее себя орлиным пометом. Завтра ты заглотишь собственную задницу. Свинья. Я обещаю!»

Затем молодая женщина извлекла из чемодана легкое голубое платье. Но теперь-то он за все заплатит. За везение, что пришло не к ней, за ту грязь, в которой ей приходилось купаться ради куска хлеба, и за бездарный секс.

Через пять минут Люсьен Эманеску была готова к выходу. Она подвела губы, глаза, взяла с журнального столика ключи от номера, но остановила взгляд на тяжелой массивной пепельнице. Внезапно ее охватила волна фантазии: вот она берет в руки пепельницу, подходит к спящему Пьеру и с силой опускает ему на голову.

СЛЫШИТСЯ ХРУСТ СТЕКЛА, ЛОБОВОЙ КОСТИ И ЛЕГКИЙ ВСКРИК, ПЕРЕХОДЯЩИЙ В СУДОРОЖНЫЕ КОНВУЛЬСИИ ТЕЛА. А ЗАТЕМ??? А ЗАТЕМ – СМЕРТЬ!

Ну, это лишь мечты, с сожалением подумала Люсьен. Пока, по крайней мере, мечты. Уже завтра они воплотятся в реальность. Пришло время платить по счетам.

...После того как Люсьен заперла за собой дверь номера, Пьер соскочил с тахты. Он не пожалел о вылитом за балкон кофе – он никогда его не любил.

Звезда моя, что же ты задумала? Неужели на панель снова пошла...

Второго ключа у «корсара» не было. Он вышел на балкон. На аллеях шумели пальмы. Солнце стояло в зените. Отсюда с четвертого этажа, открывался божественно сказочный вид на бухту Бель-Омбр. Длинные коралловые пляжи с одной стороны были окаймлены зеленью экваториальных тропиков, с другой – пьянящей лазурью Индийского океана. Подобно хамелеону, океан временами отливал нежными цветами малахита и фламинго. А там, в нескольких милях отсюда, заслоняя своим массивным телом горизонт, простирался остров Силуэт. Разве мог предположить Пьер еще полгода назад, что когда-нибудь в жизни он увидит подобную красоту. На миг ему показалось, что именно так должен выглядеть рай – так и не иначе. Но теперь в его голову пришла мысль, что в настоящий рай ему не попасть. Надвигалось что-то неотвратимое, требующее крови и жертв. Пьер отчетливо ощутил на губах вкус пережженного марципана, и это придало ему злости.

Он явственно увидел образ Люсьен. Без прикрас, таким как есть. Лиса. Хитрая и лживая лиса.

Милый, свой медовый я хочу провести на Сейшелах. Ты ведь не откажешь своей козочке?

Звезда моя, ты как была сукой так ей и осталась! Да и я хорош. Потратить все сбережения ради этой дряни. Не той головой думал.

...Четвертый этаж. Жан-Пьер взял в зубы узкую плетеную косичку, перекинул тело на другую сторону перил и, опустившись до самого основания, повис над балконом третьего этажа. Спрыгнув, он с сожалением отметил, что первый и второй этажи балконов не имеют. Отступать было некуда. Его внимание привлекли голоса из комнаты: женский и мужской.

– Ральф, что за шум на балконе?

– Зайка, по-моему тебе уже достаточно.

– Да нет же, там кто-то есть! Сходи, посмотри.

Недолго думая, Пьер распахнул дверь и вошел в комнату. Специфический запах марихуаны ударил ему в ноздри сразу с порога. Пьер быстрым взглядом окинул комнату. Перед ним в оцепенении стоял тридцати лет мужчина. Из одежды на нем были зеленые с мотыльками трусы и ничего больше. Маленький, кривоногий, с обильной растительностью на груди. Мужчина что-то прятал за спиной, но расширенные зрачки и пьянящий запах под потолком выдавали его с потрохами. Из-за спины выглядывала бальзаковского возраста женщина. Она была напугана еще больше, и казалось, глаза ее вот-вот выкатятся из орбит.

Женщина толкнула мужчину в спину, а тот, как делает это горилла, защищая свою самку, выпятил вперед грудь.

– Что вам тут надо, месье, кто вы такой? – его голос дрожал.

– Полиция нравов. Маленькое неофициальное предупреждение.

Резким боковым ударом в челюсть Жан-Пьер повалил сомнительного типа на пол. Из правой руки человекообразяны выпал тлеющий косячок, а женщина, распластав в стороны руки, грузно упала в обморок.

– Травкой балуемся? – Пьер раздавил носком ботинка косячок. – В следующий раз отвечать по закону будешь лично ты, но не за употребление, а за продажу. Я позабочусь.

Тип с волосатой грудью, стоя на четвереньках, схватил Пьера за брюки и стал оправдываться:

– Месье, вы все не так поняли.

Брезгливо оттолкнув его свободной ногой, Пьер схватил со стола ключи и, отворив дверь номера, выбежал из отеля. Люсьен садилась в такси. Проводив взглядом машину на значительное расстояние, Жан прыгнул в другое такси и скомандовал:

– За тем автомобилем!

Пьер взглянул на часы. 11:30. С того момента, как «Боинг 747» совершил посадку на острове Маэ, прошло более часа. Пьер не знал, что человек, с которым в аэропорту произошел инцидент, направился в небольшой банк на улице Королевы Виктории (авеню Френсиса Рашеля). А если бы и знал, то не придал бы этому никакого значения. Память Пьера о событиях в аэропорту была полностью выхолощена. Впрочем, как и память остальных людей, ставших невольными свидетелями инцидента.

Глава 5

– И последнее! – Брейн Лихмонт заканчивал беседу с Жаннет, но напоследок в ее разгневанные костры решил плеснуть масла. Это его забавляло. – Мне не нравится, как ты ведешь переговоры. Выброси своего Карнеги на свалку – иногда не грех и по столу ударить.

Жаннет сидела напротив Лихмонта, по другую сторону длинного стола. Она испытывала к этому человеку огромную неприязнь, но на этот раз решила промолчать. Жаннет знала, что разговор близится к финалу, и ей не терпелось поскорее покинуть прокуренный ублюдком кабинет.

Словно о чем-то раздумывая, Брейн включил вентилятор, закинул ноги на письменный стол и закурил.

Сегодня Брейн был аккуратно причесан, гладко выбрит и, к еще большему изумлению Жаннет, явился на работу в чистой зеленой рубашке и отглаженных брюках. В правой руке Брейн держал сигару, с толстой шеи его текли струйки пота. Ублюдок вынул из кармана чистый носовой платок и вытер шею. И с тем же спокойствием стряхнул пепел с сигары не на пол, как происходило всегда, а в пепельницу.

Брейн был лысоватым, плюгавым и упитанным, и Жаннет показалось, что в наглаженных брюках и чистой рубашке он выглядит гораздо нелепее. Он вдруг напомнил ей изъеденного молью плюшевого медведя, приодетого по случаю Рождества. От этой мысли Жаннет стало смешно, и она иронично улыбнулась в лицо Брейну.

– Плюшевые медведи едят манную кашу? – спросила Жаннет.

– Что? – непонимающе заморгал Брейн.

– Я думаю, что едят, – не дожидаясь ответа, произнесла она. – Только они не всегда знают, что плюшевые медведи – это они.

– О чем это ты?

– Скоро узнаете... – Жаннет сжала кулачки и ударила ими по столу. Вулкан ее негодования, еще мгновение назад казавшийся безобидным, неожиданно взорвался.

– Во-первых! – произнесла Жаннет, поднимаясь со стула. – Вы ведь знаете о смерти моего мужа, могли бы и помягче. Вы явно не человек. А во-вторых, – продолжила она, – я вам не ДЕТКА. Прижмите свой вонючий хвост. Мы, женщины этого банка, подаем на вас в суд.

Жаннет вплотную подошла к Брейну, готовая при первой же его фривольности залепить пощечину.

– Поэтому извольте меня называть на Вы. Я не шлюшка из подворотни и заставлю себя уважать даже такого ПЛЮШЕВОГО МЕДВЕДЯ, как вы.

Глаза Брейна, ничего, кроме флегмы, до сего момента не выражавшие, вдруг забежали по сторонам. И Жаннет невольно оказалась свидетельницей прелюбопытнейшей метаморфозы, сменившей в Брейне вальяжного удава на загнанного в угол кролика. Брейн сбросил со стола ноги и спешно затушил сигарету.

– Да, да... Может быть, – он выдержал паузу и выдохнул: – Может, вы и правы, мисс Жаннет. Приношу свои извинения!

Подобных слов от этого человека Жаннет никак не ожидала. По обыкновению Брейн считал ниже своего достоинства извиняться перед женщиной.

– В общем-то, я не за этим вас вызвал, – произнес он, пряча глаза.

Брейн выждал, когда Жаннет успокоится, и, вынув из кармана вчетверо сложенный лист, протянул его.

– Забудем старое. Несмотря на неприязнь к вашему полу, я все же ценю вас... как специалиста. Мне нужна ваша помощь. Так... хочу проверить одну финансовую операцию. Здесь список кое-какой литературы. Нужно отыскать эти книги в Национальной библиотеке и озна-

комиться с ними. А завтра я познакомлю вас со своим планом, и вы выскажете свое мнение. На сегодня вы свободны.

Перед тем как развернуться, Жаннет обратила внимание на мусорную корзину за креслом Брейна. В ней лежал его любимый порножурнал. Это показалось ей весьма странным...

Когда она покинула кабинет, Брейн снова водрузил ноги на стол и вальяжно закинул за голову руки. Как и прежде, это был удав, глаза которого сверкнули ярко-зеленым огнем.

– Молодец, девочка, молодец! ПЛЮШЕВЫЕ МЕДВЕДИ питаются только манной кашей...

...Жаннет вошла в свой кабинет. Ее мысли путались в каких-то лабиринтах и искали выхода.

Наглаженные брюки. Чистый носовой платок. «Я приношу свои извинения». Порножурнал в мусорной корзине.

Жаннет опустилась в кресло за рабочим столом и включила кондиционер. Последнюю неделю температура воздуха ниже двадцати семи не опускалась. Ей хотелось поскорее окатиться под прохладным душем. Наконец, Жаннет привела мысли в порядок – она их попросту отбросила в сторону, сняла со спинки стула сумочку, поднялась, намереваясь уйти, но вспомнила о компьютерном диске. Открыв ящик стола, она вынула желтый плотный конверт и, не удосужившись проверить его содержимое, положила в сумочку. Отчего бы не посмотреть его дома еще раз. Перед тем, как отнести в полицию.

Жаннет остановила машину на стоянке, недалеко от узорчатой металлической часовой башенки – уменьшенной копии лондонского Биг-Бена. Поставленная лет сто назад часовая башенка была, пожалуй, первым украшением весьма непрезентабельного в прошлом поселения и явно произвела сильное впечатление на островитян. А о домоседах и людях несведущих родилась даже местная поговорка "Да он и часов-то не видел".

От перекрестка, где роль "пяточка", "точки отсчета" и места свиданий традиционно отводится знаменитой часовой башенке, отходят главные артерии столицы. Широкая дорога ведет в старый порт. Это знаменитый Длинный пирс. Метрах в двухстах от местного Биг-Бена на Длинном пирсе стоит ладный, аккуратный двухэтажный дом. На его первом этаже – музей, а на втором – библиотека с отличным литературным фондом.

Дверь главной комнаты музея открывается прямо на улицу – без всяких вестибюлей и тамбуров. Посетители буквально натыкаются на один из исторических памятников сейшельской истории – большой каменный резной куб, знаменитый французский "камень владения", установленный капитаном К. Н. Морфи в ноябре 1756 года на территории нынешней Виктории. Однако история города начала летоисчисление с другой даты – с 1778 года, когда возникло первое французское поселение на Маэ под названием Этаблисман дю руа, что значит «Королевское поселение».

Жаннет шла по Длинному пирсу медленно и задумчиво. С каждым шагом она погружалась в воспоминания, клубок которых был соткан из великолепия зрительных образов, запахов и звуков.

Жаннет потерянно смотрела под ноги, временами вскидывала усталый взгляд на шоссе, на кроны кокосовых пальм, иногда оглядывалась на несущий прохладу океан и бесконечные мачты рыболовных и прогулочных яхт. Все это были зрительные, реальные образы, среди которых не хватало лишь образа Андре. Отныне этот образ жил только в воспоминаниях.

Среди множества окружающих Жаннет звуков – криков белых крачек, шелеста веерных пальм, биения в пирс зеленоглазой волны, будничного гомона разношерстных туристов, рокота разнокалиберных двигателей и плачущего скрежета корабельных рей – не было дыхания любимого человека, его обжигающих сердце вздохов и простых будничных слов. Всего этого уже

не существовало, а если и существовало, то где-то там, в подсознательных глубинах памяти Жаннет.

Молодая женщина также помнила горьковатый, терпкий запах его губ – запах кубинских сигар. Но на пирсе, среди запахов выделяемого водорослями йода, горелого машинного масла, выхлопных газов, свежей рыбы, бистро и пиццерий – этого запаха не было.

Он был только в сознании, которое отказывалось верить в реальность происходящего. **НО АНДРЕ БЫЛ МЕРТВ, И ЖАННЕТ ВЫНУЖДЕНА БЫЛА ПРИЗНАТЬ – ЭТО РЕАЛЬНОСТЬ!!!**

Здесь, на Длинном пирсе, все напоминало о тех днях, когда она, Жаннет, встретила своего будущего мужа Андре Кришелье.

Их знакомство не отличалось оригинальностью. Скорее, наоборот. Простота и банальность, с которой Андре подошел к девушке и спросил ее имя, обезоружили Жаннет.

Могла ли она тогда предположить, что встреча эта станет преддверием одной из крупных во вселенной шахматных партий, в которой ей отведена роль светлой пешки, оберегаемой, как ни парадоксально, темной стороной света.

Между ними завязался разговор, и, позабыв обо всем, они вскоре уже лежали на пляже, купались в океане, говорили о жизни, целовались. Она была очарована им, а через три дня Андре сделал ей предложение.

Андре ей очень нравился: дарил цветы, был любящим, верным мужем, в любой компании мог поддержать разговор и просто был "обаяшкой". Но после произошло нечто странное.

Андре стал часто покидать страну, а, возвращаясь, снимал со своих «непотопляемых» счетов много денег. На вопрос Жаннет: "Откуда все это?" – он отмалчивался или уходил от ответа. Единственное, в чем он признался, – это в том, что деньги не окрашены кровью. Она ему верила, но требовала прекратить эту подковерную возню с собственной совестью. Но Андре продолжал играть с собственной судьбой. И только теперь, когда все кончилось так трагично, она кляла себя за смерть мужа. Но, несмотря на все его тайные проделки, она любила его. Он был отцом ее будущего ребенка.

В день, когда Жаннет родилась, ангелы коснулись крылами ее лица.

На россыпях Сейшельских островов можно встретиться чуть ли не со всеми расовыми типами людей. Причем знакомство это будет намного богаче, чем в любом антропологическом музее, к тому же и в самых неожиданных сочетаниях. У местного населения генетические связи столь запутаны, что даже самая добропорядочная чета не в состоянии предугадать, какого цвета у нее появится малыш.

Потомки французских плантаторов и корсаров, африканских рабов и батраков, английских моряков и чиновников, китайских торговцев, индийских ремесленников и арабских рыбаков образовали сегодняшнюю сейшельскую, или, как чаще себя называют коренные жители, креольскую народность.

Отец у Жаннет был французским легионером, и от него ей достались агатовый блеск глаз и мягкие выющиеся каштановые волосы. Мать ее принадлежала к известному на Маэ китайскому роду торговцев, и от нее девушка переняла изящные линии рта и красивый восточный разрез глаз. Жаннет была невысокой, с точеной фигуркой женщиной. В плавной и строгой походке ее угадывались благородство ума, волевой характер и таинственная недосказанность.

Склонная говорить о добром доброе, толковать о вещах исключительно по своему жизненному опыту, она притягивала к себе людей. Ее непосредственность и простота, граничащие с неприступностью бастиона и мудростью самой жизни, ловили человеческое внимание в магнитные тиски.

Жаннет были омерзительны в людях любые проявления тупости и бессердечности.

И СЕГОДНЯ ОНА ВЫСКАЗАЛА ЭТОМУ УБЛЮДКУ ВСЕ, ЧТО ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ О СЕБЕ ИЗЪЕДЕННЫЕ МОЛЮЮ ПЛЮШЕВЫЕ МЕДВЕДИ.

И она была горда этим!

В раздумьях Жаннет не заметила, как проскользнула в дом, где располагалась Национальная библиотека. Она поднялась на второй этаж и, минуя стойку библиотекаря, очутилась в окружении стеллажей.

Молодая креолка вынула из сумочки вчетверо сложенный лист бумаги. Ознакомившись с его содержанием, нашла стеллаж "Основы маркетинга". Многие из предложенной Брейном литературы было хорошо известно Жаннет и даже находилось в ее личной библиотеке. В данный момент ее интересовали только две книги: статистический справочник Майкла Борделя и журнал маркетинговых исследований Дугласа Ровенсоля.

В поисках этих книг молодая креолка наткнулась на другие, заинтересованно их перелистывала, однако словно из тумана на нее наплывали мысли о смерти мужа, компьютерном диске и загадочном поведении Брейна.

Внезапное появление тошнотворно-сладкого запаха заставило Жаннет обернуться и обомлеть.

С верхней полки соседнего стеллажа, дрожа тусклым зеленым переплетом, на нее выползала одна из многочисленных книг.

Тело Жаннет осыпало до жути ледяным ознобом. Ее охватил ужас, и она ощутила, как нервы ее сжимаются в невидимый узел. Словно кто-то цепкою рукой изнутри схватил за позвоночник и встряхнул его. Креолка ощутила холодное дуновение. Неведомый всплеск энергии пронзил ее тело от пят до самого мозга. Жаннет пыталась бежать, но ноги не слушались ее. Она хотела кричать, но горло свистело, как ветер в пересохшем колодце.

Импульс неведомой СИЛЫ заставил Жаннет схватить выползавшую книгу. На корешке с золотым теснением она прочла:

– "Камбоджа – страна кхмеров".

Мгновением позже, с криком выронив из рук книгу, молодая креолка выбежала из библиотеки.

Глава 6

Отель «Пиратский Герб», к которому с разницей в пятнадцать секунд подъехали две машины такси, располагался на Длинном пирсе. Он стоял всего в нескольких шагах от Национальной библиотеки. Причем до провозглашения независимости² в нем некоторое время размещались появившиеся в Виктории иностранные посольства.

Если бы Люсьен Эманеску пришлось в голову обернуться, она бы заметила, как за ней на почтительном расстоянии в вестибюль проследовал Жан-Пьер. Ее голова была занята совершенно иным, тем более что снотворное, подсыпанное в кофе супруга, гарантировало абсолютную тайну. Увы, в этом мире ничего не бывает абсолютным.

Точно в шпионском боевике Жан-Пьер проследил, как супруга по лестнице поднялась на второй этаж и, постучавшись, вошла в один из номеров.

Не долго думая, используя накопленный опыт, Жан-Пьер поднялся этажом выше и постучал в номер, находившийся над тем, куда вошла Люсьен.

– Кто там? – послышался за дверью низкий мужской голос.

– Обслуживание номеров.

– Что? Но мне ничего не надо!

Сквозь щель приоткрывшейся двери Жан-Пьер увидел лицо молодого человека. Тот явно что-то скрывал и не хотел пускать.

– Вы дали слишком много чаевых, – ничуть не смутившись, произнес Жан-Пьер.

– Теперь понятно. Эта горничная пожаловалась? Но ей за то и платят, чтобы она убиралась. В стоимость проживания уже входят эти услуги, и она не получит от меня ни цента.

– Я из инспекции по делам жадных и скупых.

С быстротой молнии нога Пьера разогнулась в колене и ударила в дверь. Тип пролетел сквозь коридор и приземлился посреди комнаты, прямо на ворсистом ковре. Ажурные женские трусики, бюстгалтер и шелковые колготки, что были надеты на мужчинке, вогнали бы в краску любого, но не Пьера. Среди клиентов, коим он предлагал бытовую химию, ему приходилось встречать подобные аномалии, а потому его отношение складывалось в одно емкое слово – ПЛЕВАТЬ.

Мужчинка стеснительно прикрыл руками ажурные трусики.

– Вы не имеете пра...

На последнем слове сильный удар в челюсть заставил его замолчать. Рука Пьера, сомкнутая в кулак, описала дугу и мощным хуком отправила трансвестита в нокаут.

Пройдя на балкон, Пьер взглянул вниз. За последние пятнадцать минут история повторялась: ворваться в номер, дать по морде, прыгнуть с балкона. Чтобы спуститься на балкон этажом ниже ему потребовалось двадцать секунд. Только на этот раз его присутствие оказалось незамеченным. Пригнувшись под раму окна, он посмотрел в комнату. Увиденное заставило его сжать кулаки в стальные болванки, резкий приток крови окрасил лицо в багрянец. Опасения подтвердились.

Он увидел Люсьен в объятиях коренастого типа. Они стояли посреди комнаты и не догадывались, что тайна хороша лишь тогда, когда о ней говорят шепотом.

– Не волнуйся, Кристиан, – Люсьен обняла типа за крепкую шею и погладила его по волосам. – Я в его кофе подсыпала снотворное.

² в ночь с 28 на 29 июня 1976 года на столичном стадионе, по иронии судьбы располагавшемся позади отеля. До вышеуказанного года Сейшельские острова были британской колонией.

Коренастый тип не терялся и сжимал сквозь тонкую ткань платья роскошные груди Люсьен.

– И как долго он проспит?

– Шесть часов минимум, так что времени у нас достаточно.

– Я хочу тебя прямо сейчас, – тип резко запустил руки под платье Люсьен, схватил жилистыми пальцами ее шикарные бедра и, притянув к себе, повалил женщину на кровать. Но Люсьен отстранилась и объявила:

– Нет. Цветочки и ягодки потом... Сперва обсудим дело.

Первым естественным порывом Жан-Пьера было желание ворваться в номер и разделать эту парочку в фарш, однако последняя, услышанная им фраза заставила удержаться на месте. Его губы тихо зашелестели:

– Что за дело? Звезда моя, что ты задумала?

Жан-Пьер сжал кулаки и продолжал слушать молча. Ущемленное самолюбие жаждало мести, но здравый рассудок требовал повременить.

– Нет, прямо сейчас, – возразил коренастый тип, кидаясь на Люсьен с новым приливом энтузиазма. Он стягивал с нее голубое платье, и она уже не сопротивлялась, потому что прекрасно знала одну житейскую истину: сытый голодному не товарищ.

До хруста сжав кулаки, Жан-Пьер слушал, как тип нежно целовал тело его супруги, с трепетом ювелира гладил ее интимные места и, нашептывая на ухо невероятно пошлую чушь, заставлял Люсьен подниматься на Парнас наслаждения. Женщина громко стонала, ее острые коготки вонзались в мускулистую спину обезумевшего самца, и через двадцать минут изнеможенные неистовой тарантеллой тел они затихли в объятиях.

Жан-Пьер почувствовал себя опущенным в зловонную клоаку.

Звезда моя! Дрянь! Дура!

Однако Пьер ошибался ровно наполовину. Она не была дурой, и сейчас ему предстояло это понять!

Он услышал, как чиркнула зажигалка, в воздухе заструился запах сигарного дыма. Пьер вытянулся к проему балконной двери и превратился в слух.

Люсьен, словно сытая кошка, потянулась и затаилась сигаретой.

– Кристиан, ну ты и животное.

– Какой есть. Но на этом мои таланты не заканчиваются.

– Знаю, вот поэтому сейчас ты мне и нужен.

– Кого-нибудь ограбить, переломать кости?

– Низко плаваешь, Кристиан. Ни второе, ни первое. Убить Пьера!

– Я не ослышался? – Кристиан приподнял с подушки голову. – Внезапно ты пропадаешь на полгода неизвестно куда, а затем выясняется, что ты вышла замуж и в первый день медового месяца делаешь заказ на своего мужа?

– Кристиан, ты даже не представляешь, насколько богат этот глупый щенок. Впрочем, и он также об этом не знает. Два месяца назад у меня был клиент. Адвокашка. И он мне поведал историю о том, что разыскивает некоего сироту. Тот с рождения воспитывался в детском доме. Так вот, некая столетняя старушка из Марокко отдала богу душу, оставив после себя состояние в два миллиарда долларов.

Люсьен выдерживала паузу, акцентируя внимание на том, что скажет дальше.

– Догадайся с трех раз, кто этот сиротка? Кристиан с интересом приподнялся на локте.

– Неужели, Жан-Пьер Лефевр?

– Ты необычайно догадлив. Пьер оказался единственным ее наследником из третьего колена.

Боясь пропустить хотя бы слово, Жан Пьер не верил своим ушам.

Кристиан отобрал у Люсьен сигарету и жадно затянулся.

– Ну, ты и потаскушка! Впрочем, за это я тебя и люблю! Ты женила его на себе и теперь хочешь убить. А как же адвокат?

– Адвокат в доле. Он и разыскал Пьера. Мне же потребовалось много энергии, чтобы заставить этого сопливого мальчишку женить на себе. Теперь твоя очередь.

– Я всегда знал, что ты ненормальная, но учти, что со мной твои штучки не пройдут. Я убью Пьера, но если попытаешься меня подставить или кинуть... Я закопаю тебя заживо. Ты меня знаешь.

– Не беспокойся. Я даже не стану жадничать. Твоя доля – два миллиона долларов.

– В сравнении с твоей с адвокатом долей два миллиона просто пыль. Я хочу равную долю.

Люсьен вскочила с постели и гневно прошипела:

– И не думай! Ты даже не в состоянии себе представить, что значит спать с грязными уродами в течение десяти лет. А я знаю! И этот миллиард – мой джек пот, мой главный приз! Такое бывает только раз в жизни. А не нравится, убирайся. Мне только свистнуть – и любой встанет на твое место.

– А ты не боишься, что я тебя сдам? – усмехнулся Кристиан.

– Я готова поставить на zero все, чтобы выиграть миллиард. Я готова потерять миллиард, а ты готов потерять два миллиона?

В воздухе повисла томительная тишина, пока, наконец, до слуха Пьера не донесся голос Кристиана.

– Ты меня убедила. За такие деньги, – Кристиан провел ладонью по горлу, – я любого на тот свет отправлю. Только ответь мне на один вопрос. Почему не во Франции. Почему именно здесь, на Сейшелах, ты решила убить его?

– Свадебное путешествие, в котором мы сейчас находимся, отвлечет вероятные подозрения. Хотя Пьер и простой служащий... Там, во Франции, все может всплыть и обернуться против меня. Здесь же есть возможность все спустить на тормоза. Кто здесь станет разбираться в том, что некий француз, простой служащий, нарвался в номере на вора и напоролся на его нож. После этого я буду ждать еще ровно полгода и только тогда предъявлю права на свой миллиард. Это условие адвоката.

– Вот ты все как видишь... А ты умна. А в деталях, как ты все задумала?

– Ты убьешь его завтра. Вечером, в 10 часов. Мы будем с Пьером в ресторане нашего отеля. Внезапно я будто бы вспомню, что не выключила в номере фен или утюг. Одно из двух, я еще не придумала. И пошлю его. В это время ты будешь уже его поджидать. Убьешь и разбросашь по комнате вещи. Чтобы выглядело так, словно Пьер встретил вора и погиб от его ножа.

Пьер вытянулся в стальную пружину, но здравый рассудок опять сдержал его.

Сука, она, видите ли, еще не придумала, что это будет. Утюг или фен.

– А ключ от номера? – не унимался Кристиан.

– У нас еще будет сегодня время, чтобы сделать дубликат. А сейчас трахни меня еще раз как следует. Мой Пьер в сексе – полнейшая бездарность.

С этими словами Люсьен с жадностью накинулась на Кристиана.

Пьер не желал быть свидетелем духовной и физической вакханалии супруги. Дальнейшее присутствие не имело смысла. С легкостью атлета он спрыгнул с балкона второго этажа, потерянными глазами оглядел туристов, беззаботной толпой рассеявшихся перекусить на просторной веранде, и по Длинному пирсу направился в сторону Национальной библиотеки.

И чем ближе он подходил к библиотеке, тем сильнее в нем просыпался прежний Пьер – Пьер, который содрогался даже при виде того, как в подворотнях Парижа от голода страдают кошки и собаки. На этот случай у него в кармане всегда лежал кусочек дешевой колбаски.

В его голове прокручивались события последних минут, и он был готов расплакаться. Мыслительный процесс в его голове был занят проблемой открывшейся тайны. Радости от того, что он внезапно стал миллиардером, не стало, наоборот, деньги сделали его более уязвимым. Обладание богатством, кроме всех прочих радостей, приносит и банальную смерть. И вот она – черная метка. И от кого? От собственной супруги!

Легкий удар в плечо вывел Жан-Пьера из транса. Он увидел лицо столкнувшейся с ним молодой креолки. И то, что он прочитал в ее глазах, усилило в нем чувство ужаса и животного страха. Мгновением позже, выронив из рук сумочку, молодая креолка стремглав бросилась прочь, в сторону часовой башенки.

Нерешительно, точно боясь подвоха, Пьер поднял сумочку. Он осмотрел ее так, как осматривают табакерку, из которой вот-вот выпрыгнет чертенок. Но ничего подобного не случилось. В тот момент, когда в его сознании возникла единственная правильная мысль «выкинуть сумочку», ноги уже несли Пьера в направлении к часовой башенке. И ход развивающихся событий повернуть вспять было уже невозможно.

– Мадемуазель, вы это выронили.

Жаннет вздрогнула от опустившейся на ее плечо руки. На этот раз Пьер прочитал в ее глазах удивление.

Креолка взяла из его рук сумочку и рассеянно пожала плечами.

– Благодарю вас, – ее мысли плавали совершенно в иных измерениях, и ответ был машинальным, неосознанным.

– Что с вами? – взволновался Пьер. – Вам плохо, могу ли я чем-то помочь? – Ему показалось, что эта молодая беременная креолка вот-вот грохнется в обморок, и он подхватил ее под локоть.

– Нет, спасибо, – так же машинально, но уже более твердо ответила Жаннет. – Я сама.

– Я ведь вижу, как вам плохо, я провожу вас. Где ваш дом?

– Отпустите, – она отстранилась, чтобы уйти. – Спасибо, я сама!

На этот раз голос Жаннет звучал тверже, и в нем чувствовалось возмущение: "Что вы лезете в мою жизнь!"

– Прошу вас, минуту...

Пьер бесцеремонно взял из рук креолки сумочку, достал оттуда блокнот, ручку и что-то написал. Затем он все это вернул.

– Бога ради, позвоните, как дойдете домой. Мне, право, неловко, что оставляю вас в таком состоянии.

Жаннет молча развернулась и, буря взглядом асфальт, побрела к стоянке машин.

Но кто бы знал, что в момент, когда Пьер передавал креолке пропажу, за происходящим на пирсе наблюдала пара внимательных ЯДОВИТО-ЗЕЛЕННЫХ ГЛАЗ. Подняв с земли сумочку, Пьер оказался втянутым в сложную мозаику хитросплетений, из которых судьба предначертала ему только один выход – смерть.

Глава 7

Джордано принял решение в ближайшее время покинуть Сейшелы. Навсегда. Ему было жаль расставаться с этой чудной страной, но перспектива оказаться за решеткой не радовала и мало привлекала.

Дом Джордано, специалиста по охранным устройствам, располагался на юго-западе столицы Виктории – в поселке Мон-Флери.

Отсюда, с возвышенности, открывался великолепный вид. Слева в самое небо упирался горный массив, называемый Три Брата. Чуть севернее сквозь перелески взглядом можно было захватить крохотную часть Виктории и даже новый порт. Если же смотреть прямо – на северо-восток, можно рассмотреть трехкилометровую насыпную посадочную полосу международного аэропорта, концы которой упираются в море. А там, в северном направлении, можно лицезреть выстроившиеся один за другим гранитогнейсовые острова Серф и Сент-Анн.

Часы показывали одиннадцать часов вечера, когда, опустив ноги в бассейн, Джордано грустно всматривался в ночные огни международного аэропорта. Ему не хотелось расставаться с этой чудной страной, но, видно, придется. Он ждал телефонного звонка, и в кармане его рубашки лежал помеченный тремя буквами «А.Н.Г.» компакт-диск, его охранный грамота. Кроме того, за него обещали отвалить круглую сумму. Это его и смущало.

Так просто они не отстанут. Меня хотят втянуть в свои авантюры. Однако я работаю всегда только один. И не стану менять своих правил и впредь.

Джордано придерживался золотого правила: если однажды попался на крючок, не мутить более воды в этом пруду. Достаточно много других водоемов, где тебя не знают.

Но он также предполагал исход событий и по иному варианту. При передаче диска его могли просто убрать.

Обещания – это всегда, прежде всего, набор красивых слов, не имеющих под собой реальной основы.

На этот случай итальянец записал все телефонные и нетелефонные разговоры на магнитную пленку и, присоединив к ней копию украденного диска, отнес пакет в камеру хранения в аэропорт. Ключ от камеры за определенную мзду он передал соседскому пареню. В случае его смертельного исхода или же пропажи паренек передаст ключ в полицию.

На столике у кромки бассейна зазвонил телефон, Джордано вытащил из воды ноги и, усевшись в тростниковое кресло, снял трубку.

– Слушаю.

– Добрый вечер, месье Джордано. Товар у вас? – вежливость Крейса напоминала диалог из анекдота, в котором палач, обслуживающий гильотину, интересовался у жертвы, не жмет ли ей ворот рубашки.

– У меня, – ответил Джордано.

– Хорошо. Через пятнадцать минут на повороте у подножия Трех Братьев. На другом конце хотели положить трубку, однако Джордано опередил:

– Эй, Крейс! Не вздумай шутить!

– Спасибо, что предупредили, – кратко отрезали на другом конце и положили телефонную трубку.

Джордано поднялся с тростникового кресла, надел брюки и красную, навывпуск, гавайскую рубашку. Через полминуты итальянец был в доме. Там, в тайничке за антикварным комодом в гостиной, он прятал револьвер. Вынув из тайника оружие, засунул его за пояс брюк под рубашку и подошел к зеркалу в коридоре. Повернулся боком – револьвер не выпирал.

Три минуты спустя итальянец выезжал из гаража на четырехдверном потрепанном бьюике. До встречи оставалось девять минут.

Джордано знал, что езды от поселка до подножия Трех Братьев при средней скорости минут пять, не больше. Четыре минуты останется, чтобы проверить снова оружие и приготовиться к неожиданным поворотам судьбы.

Через две минуты дорога вывела на пологий склон городского кладбища Мон-Флери. На огромном барельефе у входа были высечены сотни фамилий сейшельцев.

В эту ночь луна была удивительно яркой. Ее полный диск отливала пронизывающим душу холодом и, обволакивая им каждую могилу, отчетливо вырисовывал тени могильных крестов.

Джордано посетило странное предчувствие. Ему вдруг пригрезилось, что один из могильных крестов будет непременно его и точно так же, как в сегодняшнюю ночь, яркая и холодная луна "шершавым" светом станет поглаживать и его заросший могильный холм.

Итальянец поежился и, сплюнув против ветра, вдавил педаль газа до самого пола. Пологий склон кладбища плавно съехал вниз и метров через триста открыл взору главный госпиталь страны. Комплекс трехэтажных больничных строений был окружен великолепным садом. Здесь росли единственные на всем острове (после ботанического сада) плодоносящие морские кокосы – сейшельские веерные пальмы. Их пересадили с острова Праслен, из Майской долины. Роскошные пальмы с гроздьями супергигантских орехов склоняли над крышами строений многометровые листья-веера и напоминали опахала. В ослепительном свете полногрудой луны больничный сад представлял собою загадочное переплетение низкорослых стволов, лиан и эпифитов.

ТЕАТР ТЕНЕЙ ОЖИВАЛ...

...Магнетическим взглядом изучая Джордано, зловеще скалил гнилыми зубами кривоногий сказочный тролль. Чуть дальше, в ожидании броска, томились обглоданные земляным червем живые мертвецы. А там – у главного входа – саблезубая кровососущая тварь, сплошь покрытая рыбой чешуей, неистово взрывала копытами грешную землю.

НО ЭТО БЫЛИ ТОЛЬКО ТЕНИ, ДОРИСОВАННЫЕ ВОЗБУЖДЕННЫМ СОЗНАНИЕМ ДЖОРДАНО КРУФО.

Электрический свет в окнах больницы почти везде погас, лишь два-три окна на третьем этаже говорили о том, что не спят дежурные врачи.

Джордано взглянул на освещенные окна главного корпуса и обомлел. Электрический свет разливался почерневшей, спекшейся кровью. Он на миг ощутил во рту ее вкус: марципано-ново-приторный и гнилой. Его едва не стошнило на лобовое стекло бьюика.

НО ЭТО БЫЛ НЕ КОНЕЦ... ДАЛЕКО НЕ КОНЕЦ!!!

Видение растаяло, и от окон в темноту сада поплыло тяжелое сизое искрящееся облако.

Руки Джордано предательски задрожали, правая нога невольно резко опустилась на педаль газа, и машину кинуло на встречную полосу. В ближнем свете фар Джордано увидел несущийся в лоб его бьюика девятитонный грузовик. До столкновения оставалось две секунды, но Джордано они показались непреодолимо долгими.

...Джордано увидел мощные колеса грузовика, бешено вращаемые коленвалом, хромированную решетку воздушного охлаждения двигателя и в темноте кабины горящие ядовито-зеленым огнем ГЛАЗА...

Итальянец рванул руль в сторону, две секунды, растянутые до невозможного, истекли и машины разъехались – каждая в своем направлении.

Джордано прижал к обочине бьюик и заглушил двигатель. Закрыв глаза и минуты две сидел не шелохнувшись.

Нервы совсем не к чему. Никогда со мной такого не происходило... Галлюцинации. Как покину Сейшелы, обращусь к врачу. А иначе следующий грузовик закатает меня в бьюик, как

анчоусы в консервную банку. Передам диск и к чертям Сейшелы. А пока спокойно, ничего не произошло.

Когда Джордано открыл глаза, его руки не дрожали – нервы были в полном порядке. Он даже заставил себя улыбнуться. Затем повернул ключ зажигания и тронул машину с места.

Тем временем у подножия Трех Братьев в крытом джипе его ждали двое мужчин – пожилой янки и молодой двадцати пяти лет мексиканец.

– Учись, Сальваро, а то всю жизнь ключи подавать будешь, – произнес янки.

– И как вы его зацепили, мистер Крейс?

– Полгода назад в Европе наши пути пересеклись, – янки посмотрел на часы. – Представь себе, он занимается практически тем же самым, только он медвежатник³. Я не мог ему позволить безнаказанно забрать из сейфа те деньги, которые практически добровольно готов был отдать мне клиент. Джордано грубо работает. Никакого полета фантазии. Я позволил ему выкрасть из сейфа все деньги. Однако все его деяния пришлось заснять на киноленту. Я стратег и смотрю на все происходящее в жизни на двадцать ходов вперед. Теперь, как видишь, кинолента на вес золота.

– Может, мы его по голове и к рыбам на завтрак? – почесал затылок Сальваро.

Крейс Митчелл строго посмотрел на Сальваро:

– Ты меня начинаешь беспокоить, малыш? Ты со мною работаешь всего два дня, а тебя уже на убийства тянет. Запомни, Сальваро, я всегда работаю чисто, без крови. У каждого есть слабое место. Нужно только его найти и человек для тебя сделает все, что захочешь.

– Тогда не понятно, почему Вы не нашли слабое место у Жаннет?

– Умные вопросы задаешь, малыш! Жаннет не такая простая, как могло тебе показаться. В ней что-то есть... До сих пор не могу понять что. И потом... Она жена моего погибшего друга. А это для меня святое. Я всегда работаю в белых перчатках. Мои отмычки – это человеческая глупость, алчность, безволие и... Ты будешь смеяться, Сальваро... Бездуховность!

– Кто бы говорил о бездуховности... – иронично улыбнулся Сальваро.

– Малыш, если бы ты только знал, кто я на самом деле! То не смеялся бы. Меня жизнь настолько сильно пинала между ног, что мои яйца стали стальными. Я был в таких передрыгах, из которых простой смертный не выходит живым. Везение всегда наступает мне на пятки. А в одной из стран юго-восточной Азии меня даже приговорили к смертной казни. И как видишь, я живой.

– И как вам удалось обмануть смерть? – Сальваро удивленно сдвинул брови.

– Ее не обманешь. Просто меня в списках у самой смерти на тот момент не было. Меня спасла одна женщина, с красивым именем Цветок Лотоса, – Крейс Митчелл задумчиво выдержал паузу. – Поэтому, малыш, относись к женщинам всегда с уважением. В трудную минуту обогреют и спасут.

– Как погиб Андре? Разве вы не вместе работали?

– В последнее время он был сам не свой. С каждым днем отдалялся от меня все дальше и дальше, а однажды решил работать один. Из одной такой операции он и вернулся в «деревянной рубашке». Причину его гибели я и пытаюсь выяснить.

– Но он же вас предал?!

– Сальваро, малыш! Он не предавал меня. Не обижайся, но ты еще слишком молод, чтобы понять все это. Есть вещи, которые невозможно объяснить словами. Их нужно чувствовать. Тебе, малыш, я хочу передать весь свой опыт. Ты не глупый и в тебе есть определенные задатки.

– Тогда почему вы напрямую не взяли у Жаннет диск?

³ специалист по сейфам.

– Во-первых, она на четвертом месяце беременности. Не стоит лишний раз ее тревожить. А во-вторых, она обо мне не лучшего мнения. Самое надежное место – это банк, в котором она работает. И я оказался прав. Так собака чувствует сырое мясо. Научись и ты этому, малыш.

– Для чего вам все это надо?

– Понимаю, малыш... Ты предлагаешь мне сидеть поздними вечерами у теплой океанской волны. В одной руке бокал вина, в другой – сигара. И между всем этим – женщина. Деньги перестали для меня быть самоцелью, их у меня более чем достаточно. Я могу прожить безбедно не одну земную жизнь. Только все это ведет к деградации. Как физической, так и духовной.

– Позвольте с вами не согласиться. Разве то, чем мы занимаемся, не приносит в конечном итоге страданий и безвинным людям? В отличие от вас я занимаюсь этим не ради драйва, а ради денег!

– Очень хорошо, что ты все это понимаешь. Когда я был молод, так же думал. И поступал точно так же. Намного позже я осознал, что не просто обманываю людей. Я их лечу. От глупости, гордости и раболепия.

– Кажется, наш итальянец приехал, – произнес Сальваро, взглядываясь в зеркало дальнего вида.

Оставив двигатель бьюика на холостых оборотах, Джордано вышел к джипу. Его задняя дверца отворилась, и он увидел старых знакомых: молодого, с мышцами Шварценеггера парня и восхитительного, белой бородкой смахивающего на Шона Коннери, пожилого человека.

Сальваро сидел за рулем, Крейс Митчелл на заднем сидении.

– Принесли, мсье Джордано? – Крейс хитро прищурился и улыбнулся. Он всегда предпочитал разговаривать с людьми на «Вы», независимо от их возраста, социального положения и обстоятельств.

– Сперва кинолентку, – холодно отрезал Джордано.

Крейс послушно щелкнул пальцем, и парень за рулем передал в руки Джордано кейс. Джордано открыл замки – в кейсе лежал объемный синий конверт, а под ним пачки стодолларовых купюр.

Итальянец вытряхнул содержимое конверта – микровидеокассету, а затем переключил внимание на деньги. Они также удовлетворили его.

– Пятьдесят тысяч, – лаконично произнес Крейс. – Пленка – дубликат, никаких копий. Где диск?

Джордано криво усмехнулся.

– Дубликат, говоришь... Марко Манчини посмеялся бы вместе со мной.

– Что? – движением бровей Крейс выразил удивление.

Джордано опасливо бросил взор на здоровяка за рулем, вынул из кармана рубашки компьютерный диск и протянул его Крейсу. Затем с тем же норовом выхватил из-под рубашки револьвер и направил его дуло в голову Крейса.

– Все, разговор окончен. Ну, ты, качок хренов, живо руки на руль. Иначе я его башку разнесу. Быстро!!! Чтоб я видел твои руки.

– Ты пожалеешь! Макаронник чертов, – гневно процедил Сальваро, кладя руки на руль. Держа на мушке голову Крейса, Джордано другой рукой закрыл кейс.

– Концерт окончен, господа. Не пора ли по домам! На горшок и спать.

Неожиданно Джордано резко ударил рукоятью револьвера Сальваро, точно в сонную артерию.

Здоровяк взбрыкнул и, теряя сознание, откинул голову за спинку кресла.

– Пусть поспит, пока я не уеду. А ты молись, чтобы на меня даже кирпич не свалился. Моя смерть или пропажа приведут полицию к твоему порогу.

– Что ты задумал? – в первый раз за всю беседу Крейс перешел на «ты».

– Ты забыл, какая у меня специальность? – Джордано выбрался из джипа и, захлопывая дверцу, добавил: – Моли Бога, старик!

...Лишь усевшись за руль бьюика, он расслабился.

"Я бы мог и не красть диск, – думал Джордано, разворачивая машину в сторону дома. – Я бы мог сделать баш на баш – компромат на компромат. Но вот деньги... Пятьдесят штук на дороге не всегда валяются".

Однако дело было не в деньгах – они лишь были оправданием. Глубоко в душе Джордано впервые в жизни считал себя трусом, ведь он использовал собранный на старика компромат не как ответное оружие, а как прикрытия к отступлению.

ВСЕ ПРОИЗОШЛО ТАК, КАК ДОЛЖНО БЫЛО ПРОИЗОЙТИ. ДЖОРДАНО НЕ ЗНАЛ, ДА И ОТКУДА ЕМУ БЫЛО ЗНАТЬ, ЧТО ПОСТУПИЛ ТАК, КАК ПРОДИКТОВАНО ВСЕВЫШНИМ. А ВСЕВЫШНИЙ ГОТОВИЛСЯ К БИТВЕ! ОН РАССТАВЛЯЛ НА ШАХМАТНОЙ ДОСКЕ СВОИ ФИГУРЫ. ЕСЛИ БЫ ДЖОРДАНО ЗНАЛ, ЧТО НАХОДИТСЯ НА ШАХМАТНОЙ ДОСКЕ, ДА ЕЩЕ В КАЧЕСТВЕ ПЕШКИ, ТО НИ ЗА ЧТО БЫ НЕ ПОЕХАЛ ДОМОЙ, НО СУДЬБА ЕГО БЫЛА ПРЕДРЕШЕНА. ПЕШКИ ВСЕГДА ПРИНИМАЮТ ПЕРВЫЙ УДАР НА СЕБЯ...

Джордано уже миновал городское кладбище и подъезжал к поселку Мон-Флери, когда его взгляд привлекла южная вершина трехглавого горного массива Три Брата. На высоте семисот метров виднелся поставленный кем-то очень давно белый крест – пятиметровый, собранный из двойных деревянных реек.

Фосфорически-лунный свет ложился на крест мягко, а радужный ореол вокруг него пульсировал в такт биению сердца Джордано: сперва спокойно и размеренно, как песнопение григорианских монахов, затем бешено увеличиваясь в ритмах, наводя тревогу и ужас.

...Итальянец не помнил, как загнал в гараж бьюик и прошел в дом. Он держался за сердце и, как рыба, выброшенная на берег, жадно глотал воздух. Сердце не выдерживало ритмов и вот-вот было готово остановиться. Он чувствовал приближение смерти.

ОНА ДЫШАЛА ЕМУ В ЗАТЫЛОК.

Он остановился посреди комнаты, освещенной маломощной лампочкой ночника. Неожиданно неведомо откуда воздух наполнился нестерпимо гнилостным смрадом.

– Это смерть, – еле слышно вздохнул Джордано.

– Да, это я, – трижды разнеслось по комнате стереоэффектом.

Джордано обернулся и в полумраке комнаты увидел горящие ядовито-зеленым огнем ГЛАЗА СМЕРТИ... Затем Джордано рассмотрел и самого человека.

– Это вы? – его удивлению не было предела.

– Никогда не бери чужие вещи, – сухо произнес человек.

– Но как вы догада...

Глухой удар в солнечное сплетение заставил Джордано замолчать, но звуки стягиваемой с него кожи переросли в inferнальный крик, а через минуту комната наполнилась запахами свежей крови и теплого мяса.

Глава 8

Спустя полчаса в спартански обставленной комнате одного из домов в районе Пуэнт-Ларю Крейс Митчелл вываливал на стол горсть кварцевых радиомикрофонов. В народе их попросту называют «клопами». Все найденные подслушивающие устройства работали на частотах в диапазоне 138–140 МГц. По роду своей деятельности Крейсу были известны подобные «зверушки», как никому другому. Он знал их все частотные характеристики, достоинства и недостатки. Однако предположить, что попадется на собственный крючок, не мог. Поиски следящих устройств заняли двадцать минут. При помощи специального прибора в абсолютной тишине Крейс и Сальваро просканировали весь дом. Они нашли один кварцевый телефонный ретранслятор и семь радиомикрофонов, работающих от девятивольтовой батареи. Джордано поставил одного «клопа» даже в туалете, и Крейс мысленно поблагодарил его за выбор именно кварцевых «клопов», потому что их сигнал невозможно принимать на бытовых приемниках. В ином случае все соседи в радиусе ста метров стали бы свидетелями интимного пуска ветра.

Заговорчески переглянувшись с Сальваро, Крейс стрёб со стола на пол «клопов». Затем подошвами ботинок они их тщательно растоптали. Однако начать разговор в помещении Крейс все-таки не решился и вывел товарища в глубину сада.

– По-моему, это все. Но береженого бог бережет. Болезненно держась за голову, Сальваро утвердительно кивнул.

– Вы абсолютно правы. Он придурок еще тот. Чуть мне голову не проломил.

– Это твое первое крещение, малыш. У русских по этому поводу есть поговорка: – голова не жопа, завяжи и лежи. А Джордано никуда от нас не денется. Остров маленький, а у нас руки длинные.

– Все-таки кончать его нужно. Кто его знает, что он насобирал на нас.

– Не на нас, а на меня. Ты со мной лишь второй день. Собирайся. Поедешь сейчас к нему. Разузнаешь то, что он наскреб на меня. Заберешь компромат. В крайнем случае, предложишь денег. И постарайся без кулаков, как я тебя учил. Вежливость – одна из главных отмычек в нашей профессии. Я за всю свою жизнь никого не ударил и воровал с улыбкой на лице. Люди всегда подчинялись моему слову. Как говорят русские, и кошка любит доброе слово. Не справишься, отзвони. Приеду. Покажу, как нужно работать. Вперед.

Проводив Сальваро, Крейс вернулся в дом и вынул из кармана компьютерный диск. Включил компьютер, вставил в дисковод. На экране возникло знакомое изображение. Странные линии и круги – содержимое диска – образуя сложный рисунок, переплетались, меняли проекцию и выстраивались в строгую логическую цепь. Желание заполучить этот компьютерный диск было одним из заветных за последние три недели.

...Крейс переступил порог своего пятидесятилетия, но, вопреки седине в бороде, обладал крепким здоровьем. На острове Маэ он входил в первую десятку «жеребцов», за что и получил нарицательное имя «Казанова». Креолки бегали за новоиспеченным «Казановой» табунами, осаждали его дом и делали все возможное, чтобы занять в его сердце достойное место. В вопросе секса Крейс никому не отказывал. Нередко он доводил женщин до такого экстаза, о котором на острове мог не знать только глухой.

Между тем к кладовым своей души этот человек никого не подпускал – в них было много тайн, раскрытие которых ему грозило казенными харчами, в худшем случае – смертной казнью.

Но была одна женщина – единственная из всех в его жизни, кому он мог доверить ключи от этих кладовых. Эта женщина с красивым именем Уч Тана однажды спасла ему жизнь, при-

чем при таких экстремальных обстоятельствах, сюжет которых не подвластен перу Яна Флеминга. А до этого Крейс жаркими ночами дарил Уч Тане свою любовь и называл ЦВЕТКОМ ЛОТОСА – именем, которое ей дали в отряде борцов за НЕЗАВИСИМОСТЬ.

Все это было двадцать пять лет тому назад – в стране, где в одночасье все ее население ощутило на губах вкус собственной крови. В стране, где беременным женщинам вспарывали животы и на их же глазах мотыгами разбивали головы невыношенных младенцев. В стране, в которой мертвецом мог считаться каждый, кто умел хотя бы читать и писать.

...На тот момент, когда флаг Независимости поднялся над истерзанным телом страны, Уч Тане было шестнадцать лет. И последующие двадцать пять лет Крейс Митчелл не раз задавался вопросом:

– Жив ли ЦВЕТОК ЛОТОСА? Что с ней теперь?

И если бы кто-нибудь сейчас сказал Крейсу Митчеллу, что узнает он об этом раньше, чем на то рассчитывал – ЧЕРЕЗ ДВЕНАДЦАТЬ ЧАСОВ, то услышал бы в лицо лишь усмешку.

...У него было много женщин, благодаря одной из которых два года назад судьба его свела с Андре Кришелье. Тот был крепким орешком и оказался ягодой с того же поля.

Оба они занимались темными делами, и потому решение объединить усилия в сфере незаконного накопления капитала пришло в обе головы сразу. В созданном альянсе основную роль мозгового центра брал на себя Крейс, как-никак жизненного опыта ему не занимать, а исполнительная, силовая функция ложилась на плечи Андре. Главным источником их капитала служили кредиты, полученные по документам, реальная стоимость которых была не выше туалетной бумаги... Разве что качество не подвергалось сомнению – оно никогда не подводило. Жертвами обмана становились молодые неопытные банки Азии, Африки, Европы. Как правило, Крейс Митчелл и Андре Кришелье выезжали на "арену боевых действий" и осматривались. Механизм изъятия денег был всегда очень сложным и в каждом отдельном банке редко повторялся. Прежде всего изучалась конъюнктура рынка ценных бумаг, прощупывались слабые места, а уже исходя из полученной информации, выбиралось время самой операции.

Крейс и Андре были слаженной командой, никогда не занимались мокрухой и работали наверняка. Их "отмычки" – шантаж, подкуп и обман. Если чувствовалось, что банк не по зубам, они не лезли на рожон и разворачивались.

Месяцем раньше сегодняшних событий Андре и Крейс провели в Таиланде удачную операцию. С этого времени Андре будто подменили: он сторонился товарища, почти не улыбался и был чем-то озабочен.

«Что с тобой происходит? – размышлял Крейс Митчелл. – У тебя появились тайны? О чем ты думаешь?»

Тайное стало явным в тот день, когда новоявленный «Казанова» без предупреждения посетил своего товарища. И, по сути, это было начало всей истории.

Дом Андре располагался на авеню Френсиса Рашеля. Этакое типовое двухэтажное строение с мансардами, фестонами и небольшим садиком со стороны фасада. Что-то колдуя над цветником, на корточках сидела Жаннет. Крейс прошел за калитку ограды дома, женщина поднялась ему навстречу.

– Добрый вечер, Жаннет. Вы как всегда неотразимы, – и, несмотря на то, что ее руки были выпачканы землей, он протянул ей ладонь для рукопожатия. Однако молодая женщина не подала ему руки, но совсем по другой причине.

– Даже из уважения к своему мужу я никогда не стану с вами здороваться. Вы мне неприятны до рези в печенке. Когда вы оставите Андре в покое? – голос Жаннет звучал гневно и твердо.

Белая, навывпуск футболка и черные брючки, в области пояса рассчитанные на прибавление в семействе, говорили о многом. Живот креолки уже приобретал некую округлость, и Крейс вдруг подумал, что вот такая – с искрой гнева в агатовых глазах, с каштановым локоном волос, упавшим на их красивый восточный разрез, – она выглядит еще привлекательнее.

Втайне Крейс завидовал своему другу, но придерживался жесткого правила: не плюй в колодец, из которого пьешь. Жаннет была супругой его друга. Но если бы она и была свободна, Крейс никогда бы ее не добился, потому что женщина эта была подобна алмазу неграненому.

– Андре дома? – спросил Крейс.

– Дома! – Жаннет плотно сжала губы и твердо добавила. – Вам не место в этом доме и забудьте Андре. – Жаннет указала на выход, но Крейс Митчелл повел себя так, словно все, что ему было сказано, вылетело из другого уха.

– Благодарю! – произнес он и направился к дому. Жаннет в бессилии взмахнула руками. Не кидаться же ей на него с кулаками.

Крейс поднялся на второй этаж, где располагался кабинет друга. Посреди зашторенной комнаты, за небольшим письменным столом сидел Андре. Перед ним, занимая на столешнице половину пространства, стоял ноутбук. Точно раскрывшаяся ракушка, он заливал помещение жемчужным сиянием.

Крейс прочитал в глазах друга страх и оцепенение. Подобная картина напомнила ему распахнувшую капюшон кобру и серую полевую мышь. Внимание Андре, полностью захваченное в тиски неведомой силы, не ослабло даже тогда, когда Крейс обошел друга со спины.

Крейс увидел на мониторе странное графическое изображение. Построенное из некоего "совокупления" линий и кругов оно меняло проекцию, плавно вырисовываясь в бутоны нераспустившегося лотоса. Все это показалось Крейсу хорошо знакомым, но память не спешила поднимать занавес над тайной.

А когда на экране возник изумрудно-малахитовый камень, Крейс почувствовал пьянящее головокружение. Его внимание погружалось в цементный раствор неведомой силы. Он заставил себя отвести глаза в сторону.

Что за мистика, черт возьми!

Крейс заново взглянул на картинку монитора, и головокружение с новой силой охватило его. В следующий миг, повинуясь наитию, он наотмашь ударил товарища по лицу. Так, словно бы знал, что все слова в данный момент бесполезны. Андре передернуло, он вышел из транса. А затем, осознавая нелепость своего положения, спешно вынул из компьютера диск и спрятал в плотный желтый конверт. Крейс успел обратить внимание на три жирные буквы, коими был помечен компакт-диск – «А.Н.Г.». Воспоминания с новой силой захлестнули его сознание. И его осенило:

Это же Ангкорват, черт возьми! Ангкор, как я сразу не сообразил.

...Поток нахлынувших мыслей прервал мощный удар в корпус. Крейс упал на пол. Удары сыпались один за другим. Андре был невменяем. Он сидел на напарнике и, блокировав его колени, метил в голову. Лицо Крейса было разбито в кровь, когда Андре внезапно остановился. Склонившись над лицом товарища, он посмотрел ему в глаза и с проясненным сознанием, словно что-то его отпустило, прошептал:

– Прости, это не я, слышишь, не я... Это ОН!!! Я не в состоянии тебе все объяснить, но это не я!

Крейс увидел в его глазах слезы и, расплевывая разбитыми в кровь губами, произнес:

– Да ты с ума сошел! – Крейс сплюнул в лицо Андре кровавый сгусток. – Черт возьми, слезь с меня!

Андре молча вытер с лица кровавый плевок и, завалившись на бок, зарыдал. Его руки сжимали голову так, будто она вот-вот должна была разорваться.

– Он мне приказывает убить тебя. Я не могу бороться с ним, – слезно хрипел Андре. – Уходи, пока не поздно, и забудь о том, что видел!!!

Крейс и без того собирался уходить, но последняя фраза повлияла на него магнетически.

– Что за камень?

– Сердце БУДДЫ... – Андре катался по полу, крепко сжимая руками голову. – Я уже не могу сопротивляться. Уходи.

Больше Крейс себя упрашивать не стал и, уходя, беззлобно молвил:

– Я не в обиде, тебе нужно лечиться, и я помогу тебе.

В ту ночь Крейс практически не спал. Он размышлял о загадочном камне, повлиявшем на друга. Камень, чьи магические способности поражали воображение закостенелых атеистов и заставляли их преклоняться, не давал ему покоя. Крейс искренне хотел помочь другу и собрал об этом Камне огромный фактический материал.

Этот Камень имел множество легенд и имен. Одни источники утверждали, что это – чаша Грааля, изготовленная из изумруда, выбитого из короны Люцифера архангелом Михаилом. По другим версиям, Грааль – серебряное блюдо, на котором зачистую помещалась отрубленная голова. А согласно одной из наиболее распространенных легенд, Иосиф Аримафейский⁴ принес Чашу на место распятия и собрал в нее кровь из ран умирающего Иисуса. Помещенная в Чашу кровь Христа дает бессмертие.

По версии же языческого происхождения, Грааль являлся ковчегом, символизирующим тело Великой Матери Природы, в котором сосредоточена жизнь мира.

Тайна Чаши была тщательно хранима, на поиски ее собирались крестовые походы, и в войнах за обладание библейской реликвией было сложено немало голов.

Однозначного мнения Крейс Митчелл так и не нашел, и синтезировать данные в какой-либо общий знаменатель ему не удалось. Что, по сути, есть Чаша Грааля и имеет ли Камень, что он видел на компьютере к ней какое-либо отношение? И если да, то почему Андре называл его сердцем Будды?

Двумя неделями позже из Юго-Восточной Азии прибыл гроб с телом Андре. Смерть друга повергла Крейса Митчелла в некоторый шок. Со слов таинственного человека, сопровождавшего тело покойного, значилось, что смерть Андре наступила в результате тропической болезни. Но заключение местного патологоанатома, зафиксировавшего кровоизлияние в мозг, подтвердило тот факт, что с Андре случился инсульт. Тем более что таинственный человек не передал никаких сопровождающих документов и как в воду канул. Таможенный терминал по этому вопросу лишь пожимал плечами – через них этот груз не проходил. Мистика, да и только.

Желание познать тайну смерти Андре стало для Крейса делом чести. Он никогда не стремился к эталону бестактности и хамства, но ему требовалось задать Жаннет всего один вопрос и посмотреть ей при этом в глаза.

Как это ни жестоко, Крейс подошел к ней прямо на похоронах. Лучшего времени, когда чувства обнажены до предела и сброшенные маски открывают лишь истину, он не нашел.

Он спросил Жаннет о том, не оставлял ли покойный ей перед смертью что-нибудь важное, и получил отрицательный ответ. Но ее глаза, сверкнув ненавистью, не смогли скрыть правды. Гораздо проще спрятаться за фиговым листом, нежели скрыть то, о чем кричит душа.

⁴ Иосиф Аримафейский – член иудейского высшего совета, тайный ученик Иисуса. После распятия Иисуса, он выпросил у Понтия Пилата его тело и поместил его в предназначенный для себя гроб, высеченный в скале в Иерусалиме.

После этого в отсутствии Жаннет он аккуратно обыскал ее дом и пришел к выводу: диск хранится у нее на работе, это самое надежное место. Так собака чувствует сырое мясо.

По странному стечению обстоятельств, которое Крейс называл «поцелуем Фортуны», начальником охраны банка работал Джордано.

Все предельно просто и понятно. Оставалось только подсечь удилище, чтобы зацепить на крючок рыбу.

Планы Крейса осуществились. Только вот вдруг сейчас, держа в руках карту старинного города, хранившего Камень, он ощутил странное искушение, словно смерть друга отошла на второй план, уступив место факту обладания самим Камнем.

Когда сигарета в руках Крейса догорела ровно до половины, зазвонил мобильный телефон. Предчувствуя неладное, он нехотя ответил:

– Слушаю.

– Он мертв! – произнес дрожащий голос на другом конце.

– То есть как мертв? – опешил Крейс. – У тебя гнилые шутки, малыш.

– Я в его доме... Мне страшно... – казалось, еще чуть-чуть и Сальваро захлебнется в собственных слезах. – Он за домом, во флигеле у бассейна. Как кр-р-рол-лик...

– Что? – Крейс ощутил дрожь в своем голосе.

– С него сняли кожу, как с кролика.

– Кож-ж-жу? – вопросительно растянул Крейс Митчелл.

– Да, – еле слышно вздохнул амиго. – Как перчатку с руки. Боже, мне страшно...

Наконец, смысл сказанного дошел до Крейса без искажений.

Джордано мертв. А значит, утром обнаружится труп и собранный на меня компромат попадет в руки полиции.

Крейс не мог представить остаток своей жизни в тюрьме.

Нужно литься к чертовой матери!

– Нужно литься к чертовой матери! – закричал Крейс. – Немедленно уезжай оттуда. В мой дом не возвращайся. Встретимся в аэропорту. Покинем страну на любом первом самолете.

Крейс ждал ответа, но в трубке послышались глубокие, изрыгающие звуки, странный шум и ужасные крики боли, которые возможны, пожалуй, лишь в тринадцатом кругу ада.

Внезапно Крейс ощутил себя собранным из маленьких стальных шариков, которые бешено вибрировали и стремились рассыпаться.

– Ты слышишь меня, малыш? – спросил он без всякой надежды.

– Он не слышит тебя, – успокаивающе прошептал в трубке бархатный баритон. – Ему уже никогда не насладиться рассветом.

Тяжесть стальных шариков становилась невыносимой, и Крейсу показалось, что каждый из них окунули в жидкий азот.

Крейс пришел в ярость:

– Кто ты такой, чего ты хочешь?

– Того же, что и ты. А сейчас мы сыграем в одну игру, – в трубке клацнули зубами. – Проверим, повезет ли тебе на этот раз. Если успеешь сесть в самолет, то оттянешь свою смерть. Время пошло.

Короткие гудки на другом конце провода дали понять, что отсчет времени начат. Всего полминуты Крейс сидел на письменном столе, курил и мысленно прокручивал состоявшийся разговор. За свою долгую жизнь он молниеносно принимал тысячу важных решений, попадал в опасный водоворот событий и выплывал из него целым и невредимым. Крейс был волевым и прожженным и, казалось, на все вопросы знает ответ. Но в этот момент...

В цепи событий не хватает какого-то звена. Я что-то упустил. Мне не следовало цепляться за итальянца. Он притягивает неприятности.

Оцепенение длилось всего полминуты – ровно столько, чтобы сигарета догорела до конца. Крейс растоптал на полу окурки, собрал деньги, документы и покинул дом.

Его дом располагался в районе Пуэнт-Ларю, в четырех минутах от международного аэропорта.

Когда «Казанова» подъехал на машине к его главному зданию, часы показывали двадцать пять минут первого ночи. До встречи с незнакомцем осталось пятнадцать минут, ровно столько же до любого ближайшего рейса.

Большое электронное табло в зале ожидания высвечивало рейс самолета в Бангкок – столицу Таиланда. Удача и на этот раз наступала Крейсу на пятки, но он этому не удивлялся и воспринимал как данность. Таиланд был ближайшей к месту назначения страной.

Через пятнадцать минут, удобно расположившись в пассажирском кресле "Боинга 747", Крейс облегченно вздохнул, и мирно закрыл глаза. Ему хотелось хорошо выспаться.

После того как "Боинг 747" набрал высоту и занял свой эшелон, к Крейсу подошла молоденькая стюардесса. Она держала в руках радиотелефон.

– Мсье, по-моему, это вас, – она разбудила Крейса. – Прошу меня извинить, – Крейс взглядом отпустил стюардессу и взял радиотелефон.

– Да, – произнес Крейс в таком тоне, когда просят заткнуться и не беспокоить.

– Тебе снова повезло, – отозвался знакомый бархатный баритон.

– Да кто ты такой, черт возьми? – побагровел Крейс.

– Это риторический вопрос, – отрицал бархатный баритон. – Важно совсем другое. Я знаю, кто ты есть на самом деле, я знаю, с каким искушением тебе приходится бороться сейчас, и я знаю настоящее имя Цветка Лотоса.

Крейс побагровел и ощутил в паху странную неприятную тягучесть. Так, словно кто-то медленно наматывал на кулак его внутренности. Это было выработанное годами свойство его организма: чувствовать опасность.

«Казанова» хотел послать наглеца подальше, но не успел. На другом конце провода положили трубку неожиданно, как в первый раз. Боль в паху отпустила. После странного разговора он не мог заснуть еще час: его взгляд был устремлен в огонек дежурной лампочки. Крейс думал...

Он думал о ЦВЕТКЕ ЛОТОСА, спасшей двадцать пять лет назад ему жизнь. Он думал об Уч Тане, судьба которой все эти годы для него оставалась загадкой. И он думал о своем прошлом, которое со скоростью летящего самолета замыкало круг времени.

Глава 9

25 мая. 6:30 утра

Слайкер Ходвард мчался по одному очень важному делу. На прямых участках дороги он выжимал из вездехода "бронко" последнюю каплю, резко сбрасывал на поворотах скорость и почти не обращал внимания на знаки: их в Виктории немногим больше, чем пальцев на руках. Позади были долина, прорезанная речкой, бегущей с Трех Братьев, ботанический сад и главный госпиталь страны.

"Бронко" с легкостью птицы взбирался по пологому склону городского кладбища...

...Слайкер Ходвард. Тридцать пять лет. Брюнет. Рост метр восемьдесят пять. Атлетически сложен. Мастер техники взрывного метабоя. Аналитический склад ума. Характер общительный, уравновешенный. Семейное положение: вдовец, имеет сына десяти лет.

Десятью годами раньше Слайкер проходил службу в подразделении морских котиков армии США. За годы службы принимал участие во множестве операций с грифом "Совершенно секретно". В боевых условиях непредсказуем и очень опасен.

Судьба забросила Слайкера на Сейшелы вместе с другом, проходившим службу в одном взводе. Много воды утекло с тех пор, но две очаровательные креолки крепко привязали их к тем местам. Четыре года назад Слайкер в автокатастрофе потерял жену, от которой остались добрая память и сын. Практически семь лет Слайкер занимался частным уголовным сыском, последние три из которых Бред Ли возглавлял отдел по расследованию убийств.

В практике Бреда Ли случилось нечто из ряда вон выходящее, и это был именно тот случай, когда помощь Слайкера могла удержать на плечах друга капитанские погоны.

Бред Ли. Китаец. Тридцать пять лет. Рост метр семьдесят. Телосложение крепкое. Характер взрывной. Семейное положение: разведен, пятилетняя дочь – с матерью. Мастер техники взрывного метабоя. В боевых условиях особо опасен с холодным оружием, из которого отдает предпочтение швейным иглам и бритвенным лезвиям.

...Въезжая в поселок Мон-Флери, возле одного из домов Слайкер Ходвард заметил столпотворение. Казалось, сюда сбежался весь поселок. Толпа была отгорожена полицейским кордоном, в десяти шагах от которого "бронко" и остановился.

Слайкер покинул машину и на ходу вынул из кармана колоду игральных карт. Веер мастей, складываясь и рассекаясь, волной заиграл в гибких мускулистых пальцах детектива. Его взгляд, точно кузнечный молот, заставил расступиться толпу от него еще метров за десять. И если б кто-нибудь со стороны снимал этого человека на камеру, то при домашнем просмотре заметил бы, как от его пальцев в поток движения отделилась летящая тень. В руках простого человека она была бы не больше чем игральная карта. Но Слайкер относился к иной категории людей, и абсолютно любая вещь в его руках могла стать смертоносной.

И если б камера продолжала двигаться по ходу потока летящей карты, дотошный оператор обнаружил бы, как некий человек ловит смертоносный пластик у своего адамова яблока. Двумя пальцами.

– Двойка черви. Вслепую, – произнес Слайкер, пожимая Бреду Ли руку.

– Верно. Двойка черви, – ответил комиссар, не глядя на зажатую между указательным и большим пальцами карту. – Только рельеф стирается. Я заказал мастеру в Гонконге две новые колоды.

– Третью закажи. Я Джефа обучил. Тасует, пока слабо, но без искажений читает и передает уже любую информацию.

Кивком приглашая в дом, Бред Ли пропустил вперед друга.

– Кстати, как он? Слайкер покачал головой:

– Глаз да глаз. Вчера Джеф мальчишку отлупил, а тот старше его на пять лет. А месяцем раньше чуть задницу Алену Фишеру не спалил. Помнишь таможенника из аэропорта?

– Мать нужна пацану. Не думал об этом?

– Уже двоих приводил. Никого не воспринимает. Все держит в себе. Раз в неделю ходит на место автокатастрофы, цветы носит. А ведь четыре года прошло. Сам-то как?

– Сам знаешь. Я человек не семейный. Мне нужна женщина только на ночь.

Друзья прошли в дом, одноэтажное строение с внутренним гаражом и бассейном в саду. Миновав коридор, они оказались в первой комнате. На потолке, на стенах, на полу и на мебели была разбрызгана кровь. Причем разбрызгана так, как это можно было бы сделать только из пульверизатора. Тут же делал снимки фотограф.

– Мастерски оформлена комната. Плохо, что я не слежу за модой, – это было первое, что сказал Слайкер Ходвард.

– Если ты внимательно ознакомился с техникой кисти, то это еще не все. Самое интересное во флигеле у бассейна, – комиссар Ли был серьезен и мрачен.

Друзья прошли еще две комнаты, сквозь которые волочился обильный кровавый след. Последняя комната выходила в сад. В пяти шагах от дома располагался небольшой бассейн. Вода в нем была окрашена в ослепительно мареновый цвет. Справа от бассейна стоял невысокий бамбуковый флигель. Кровавый след от дома шел к нему.

Слайкер и Бред Ли ступали по краю бассейна, когда из флигеля, одной рукой держась за живот, другой прикрывая рот, выбежал пожилой полицейский. Он тут же прислонился к молодой пальме и, рыдая, принялся отрывивать наспех приготовленный женой завтрак.

Слайкер прошел за Бредом во флигель. В нем располагалась столярная мастерская, но в глаза сразу бросилось нечто неопишемое – висящие под потолком на стальных крючьях две кроваво-сизые человеческие туши. Полностью лишенные кожи, они напоминали мясницкую лавку. Кожа была стянута целно – с того места, где начинается скальп, и аккуратно разложена на двух столярных столах, как костюмы в примерочной. Кровь сквозь оголенные жилы и мышцы еще просачивалась и стекала на пол. Рой мух, казалось, слетелся сюда со всего острова. Ими были облеплены тела погибших людей.

Слайкер посмотрел на все это с глубокой печалью, и карты замелькали в его руках со скоростью ветра. Он всегда это делал, когда наклеивался длинный разговор. И на этот раз изменять привычкам он не имел желаний. Комиссар Ли оценил реакцию друга и подытожил, что только они да полицейский фотограф не разлучили пищу с желудком. К этому времени все остальные присутствующие пожалели о плотном завтраке.

Когда друзья вышли из флигеля, Слайкер заговорил:

– Ничего подобного в жизни не встречал. Ни на культовый обряд, ни на каннибализм не похоже, – карты в его руках замелькали еще быстрее.

– И это все? – отреагировал Бред. – Где же сочувствие?

– Действительно, мне очень жаль. Теперь я не притронусь к пище до завтрашнего утра.

– Я был лучшего о тебе мнения, – Бред Ли развел руками. – В таком случае место под пальмой уже не занято.

– Я завтракаю в семь, а ты разбудил меня в шесть.

Любая встреча двух старых друзей, какой бы она ни носила характер, всегда начиналась с мелких колкостей, и когда надлежащий ритуал подходил к завершающему этапу, разговор переходил непосредственно к делу.

Слайкер вынул из колоды карт шестерку треф и рубашкой вниз протянул другу.

ШЕСТЕРКА ТРЕФ ОЗНАЧАЛА, ЧТО ПОРА ПРИСТУПИТЬ К ДЕЛУ.

Глава 10

БАНК НА АВЕНЮ ФРЭНСИСА РАШЕЛЯ. 9:00 утра

По дороге в банк Жаннет не могла избавиться от одной навязчивой мысли:

Как я умудрилась оставить диск на работе? Я ведь точно помню, как положила его в желтый конверт, а теперь он пуст. Нет, может, мне все это кажется? Со вчерашнего дня мне многое кажется... С беременными женщинами такое происходит, я где-то читала...

Невольно на ум пришли строки из какого-то заумного медицинского справочника.

Беременные женщины, вынашивающие ребенка на стадии от 3-х до 9-ти месяцев, подвержены сонливости, излишней нервозности и забывчивости и т. д. в том же духе. В очень редких случаях протекание беременности сопровождается галлюцинациями. Вроде умно, но, по сути, бред...

Кажется, автор этих строк даже защитил докторскую диссертацию.

Памятуя об этом, молодая креолка внимательно осмотрела свой кабинет: перерыла ящик стола, заглянула под стол и в сейф. И ее осенило:

Да нет же, мне ничего не кажется. Я точно помню. Я все отлично помню. Я положила диск в конверт, конверт в сумочку, а потом...

Жаннет вспомнила, как у часовой башенки – уменьшенной копии лондонского Биг-Бена – ее окликнул молодой красивый француз и вернул сумочку.

Пропажу диска Жаннет обнаружила лишь сегодня утром. Но теперь, когда она все вспомнила, тайное становилось явным. "Значит, он выкрал диск из моей сумочки, – думала Жаннет, – но зачем?"

Жаннет вспомнила о записной книжке и извлекла ее из сумочки. "Так-так... – она перелистывала страницы. – Нет, не это, не это. Ах, вот!" Крупным кривым почерком было написано следующее: "Отель Бю-Валлон, 97-я комната. Жан-Пьер Лефевр".

Жаннет смутилась.

Если он украл диск, тогда зачем он дал свой адрес? Не вижу смысла! После смерти Андрэ происходит много непонятного.

Глаза Жаннет были закрыты, она откинулась в кресле за рабочим столом и думала. Она думала о смерти мужа, о компьютерном диске, о внезапной перемене в поведении Брейна Лихмонта и о книге, которую непонятная сила заставила ее схватить. Но чем больше она пыталась что-либо понять, тем больше путалась в своих мыслях.

Нужно уходить в отпуск. Смерть Андрэ выбила меня из колеи окончательно. И кто сказал, что работа – спасение от проблем? Видно, кто-то перепутал работу с отдыхом. А что если мне сменить обстановку? Махнуть в Европу не глядя.

Пять минут спустя Жаннет входила в пропитанный табачным дымом кабинет Брейна Лихмонта. Чтобы прижать тому хвост и уйти в отпуск. УБЛЮДОК потягивал сигару и, уткнувшись в стоявший на столе маленький цветной телевизор, смотрел местные новости. Гвоздем утренних новостей было сообщение о двух найденных телах, с которых целиком была стянута кожа. Журналисты рассуждали о якобы появившемся на острове маньяке и просили не терять бдительность.

Брейн знаком попросил хранить молчание и снова уткнулся в телевизор. Но Жаннет не стоило упрашивать. Ее охватило смутное чувство того, что убийство в поселке Мон-Флери имеет к ней какое-то отношение. Эта мысль заставила ее съежиться, но оторвать взгляда от экрана телевизора она была не в силах.

Далее в новостях появился комиссар Бред Ли, возглавляющий отдел по расследованию убийств. Он комментарии не давал и лишь обратился к населению с просьбой сообщать обо всех подозрительных лицах.

По окончании новостей УБЛЮДОК повернулся лицом к Жаннет и, точно прочитав ее мысли, произнес:

– Я думаю, вам самое время подумать о ребенке. О вчерашних делах можете не волноваться, – затем Брейн затушил в пепельнице сигарету и добавил: – Вам пора на отдых.

Глава 11

С пересадкой в Бангкоке к одиннадцати часам Крейс Митчелл прибыл на самолете в столицу Камбоджи Пномпень. Стрелка термометра в тени поднималась до тридцати градусов по Цельсию, но организм Крейса былотягощен еще и тем, что он, Крейс, попал в Камбоджу на конец первого месяца сезона дождей, длящегося с мая по октябрь.

Как правило, утро влажного сезона начинается с сильных испарений. К полудню духота становится невыносимой, насыщенный парами воздух недвижим, а солнце, как теннисный мяч, выпрыгнувший из воды, с семи утра, зависнув где-то в зените, нещадно палит до самого захода. Во второй половине дня, каждый день в одно и то же время, с Индийского океана летний муссон приносит массы теплого и влажного воздуха, который в свою очередь выпадает на континент в виде дождей. Уже через час после ливня ни в городе, ни на дорогах нет никаких следов воды: все, что не успело впитаться в землю, уйти на поля, превращающиеся в дождливый сезон в сплошные озера и реки, снова поднялось в воздух, до предела насытив его парами. А в шесть часов вечера, уступая место расцвеченной звездами тьме, солнце уходит за горизонт так же стремительно, как и при восходе.

И так каждый день, до самого ноября, после которого на смену влажному муссону приходит зимний, приносящий с собой сухой воздух с континента.

Пномпеньский международный аэропорт Почентонг, в далеком прошлом один из самых красивейших в мире: нарядный, удобный и совершенный по своим пропорциям и техническим требованиям – встретил Крейса невыносимой духотой. По воле рока в этот день за компьютерным терминалом камер слежения сидел человек с капитанскими нашивками – начальник охраны Вен Джун. По обыкновению этим занимался один из его подчиненных, но на днях в аэропорту поставили несколько современных камер, и капитан проверял работоспособность нового оборудования лично. С помощью джойстика он мог развернуть камеру на 360 градусов и благодаря ее электронной начинке на одежде человека рассмотреть любую ворсинку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.